

Александр ШАРЫПОВ

ОХЛОМОНЫ И АНАХОРЕТЫ

*меланхолическая парафрения в двух частях
с прологом, эпилогом и интермедией*

Публикация, вступление Владимира Орлова

Александр Иннокентьевич Шарыпов родился 24 ноября 1959 года в Великом Устюге Вологодской области. Окончил Владимирский политехнический институт. После службы в армии жил в г. Радужный и работал в научно-исследовательском лазерном центре. Печатался в различных журналах и газетах в России и за рубежом. Лауреат литературной премии им. Н. Лескова и премии международного фонда «Демократия». Награжден Пушкинской стипендией Гамбургского фонда Альфреда Тенфера. Умер 22 декабря 1997 года. В 2001 году во Владимирском издательстве «Фолиант» издана посмертная книга его избранных произведений «Убийство Коха». Наиболее полное собрание прозы А.Шарыпова – книга «Клопы» увидела свет в 2010 году в издательстве «КоЛибри».

Публикуемая пьеса писалась в расчете на постановку во Владимирском театре, однако была отклонена. В пьесе использованы (помимо классиков) стихи многих владимирских поэтов из литературной группы «Два двенадцать» (название отсылает не только к дате создания группы – 2 декабря 1988, но и к строчкам из песни Высоцкого). Авторство конкретных стихотворений указано в конце пьесы.

Действующие лица:

Майор

Сестра

Поэт (актер, играющий роль)

Голоса Поэтов (настоящих) (хриплые)

Барышня

Хулиган (его роль должен играть актер с врожденной интеллигентностью речи, желательно еврей)

Физик

Супруг (с остатками кудрей за ушами)

Супруга (актриса должна быть молодая и с тонкой талией)

Павел Владимирович

Мария Владимировна

Старушка (работница театра)

Жилец, Жилица и другие Жильцы

Действие происходит в разваливающихся декорациях, напоминающих не то дом, не то храм. Детские надписи на стенах соседствуют с фресками. Везде валяются обломки статуи с торчащей наружу проволокой.

Действуют живые люди и чучела, а также, отчасти, предметы.

Часть действующих лиц исходно сидит в зале. Человек обеспокоенный сидит в зале до конца.

Декорации несколько раз оседают, крелятся в сторону зрительного зала, но очевидным это становится только во второй части.

Жильцы образуют своеобразный хор. Их позвали помочь, но плохо объяснили, поэтому костюмы их разнородны: кто в тунике, кто в ватнике, кто – с большим барабаном и т.п.

Пролог

Эфирные шумы.

Голос Поэта. Сестра! Сестра...

Морзянка, замирания.

Голос Поэта (*громкость то нарастает, то падает*). Ты – мое Солнце, мое Небо, мое Блаженство. Я не могу без Тебя жить ни здесь, ни там. Моя жизнь вся без изъятий принадлежит Тебе с начала и до конца. Нет Тебе имени. Ты – Звонящая, Великая, Полная, Осанна моего сердца бедного, жалкого, ничтожного. Мне дано видеть Тебя неизреченную, потому что моей любви нет границ, преград, пределов ни здесь, ни там. И Ты везде бесконечно Совершенная, Первая и Последняя. И я везде для Тебя блаженный и без сомнений, в конечном безумии, в последнем сумасшествии совершу все, что ты велишь... Мои мысли все бессильны, все громадны, все блаженны, все о Тебе, как от века, как большие, белые цветы, как озарения тех лампад, какие я возжигал Тебе. Если Тебя посетит уныние, здешняя, земная, неразгаданная скорбь, тайна земная и темная, я возвеличу Тебя, возликую близ Тебя, окружу Тебя цветами великой пышности, обниму Тебя и буду шептать Тебе все очарования, и шепот мой, и голос мой будет, как шум водный. Я найду все и вскрою все тайное, ибо я недаром ждал Тебя, звал и тосковал о Тебе и провидел смутно, но наяву, близко и далеко вместе – Твои откровения, то, что Ты назвала мое имя и сошла ко мне. Я не могу видеть Тебя, потому что болен и жар, но я знаю Тебя и чувствую Тебя. Все проникнуто Тобой, и моему счастью нет границ и меры, как у меня нет слов и логики, один оглушающий звон, благовест, звуки Любви...

Шумы, помехи.

Голос поэта (*громкость резко нарастает*). У меня громадное, раздуваемое пламя в душе, я дышу и живу Тобой, Тобой, Солнце моего Мира. Мне невозможно сказать всего, но Ты поймешь, Ты поняла и понимаешь, чем я живу, для чего я живу, откуда моя жизнь (*громкость падает*). Если бы теперь этого не было, – меня бы не было. Коли этого не будет – меня не будет. Глаза мои ослеплены Тобой, сердце так наполнено и так смеется, что страшно, и больно и таинственно, и недалеко до слез...

Голос тонет в шумах. Морзянка, музыка.

Голос поэта (хрипло). Сестра! Сестра! Друзей так мало в мире...

Радиопозывные: «Родина слышит, Родина знает».

Удары колокола, в переходящие в удары в дверь.

Выходят сонные, недовольные жильцы.

Жильцы (*вразнобой, нехотя*).

Московское время никто не знает.

Автомобили ездят, подпрыгивая через метр.

Окна запотели яблочным соком,

Завелись белые черви, ползали по стеклу.

Месяц не убывает четвертый месяц.
Дети рождаются стиснув зубы и молча.
Много меньше простудных заболеваний,
Потому что ветер не дует.
Мы стали краснеть фиолетовым цветом.
Куда-то исчезли собаки и кошки.
Что ни говори, жизнь продолжается.
Каждый день что-нибудь новое.
Ж и л е ц. Куда исчезли собаки и кошки?
Ж и л и ц а. Тише!

Радиопозывные: «Родина слышит, Родина знает».

Ж и л е ц. Мы стали краснеть фиолетовым цветом!..
Г о л о с П о э т а. Здесь в мире, в России, среди нас теперь делаются странные вещи.
Бегают бледные, старые и молодые люди, предчувствуют перевероты и волочат за собой,
по торжищам и утонченным базарам, и по салонам и по альковам красивых женщин, и по
уютам лучших мира сего – знамена из тряпок и шелка, и из неведомых и прекрасных тканей
Востока и запада, и волочат умы людей – и мой тоже. Но сердце, сердце незабвенное и все
проникающее, знает Тебя. Мое тамошнее треплется в странностях века. И все оно
собирается здесь, у Твоих ног.

Ж и л е ц.

Мы стали краснеть фиолетовым цветом,
Потому что ветер не дует!

Ж и л и ц а. Да тише ты!

Г о л о с П о э т а. Сестра...

*Дверь срывается с петель и падает. Из двери выходит лошадь из белого гипса,
волоча за собой гипсового же упирающегося «Укротителя коней» с торчащей проволокой.
Пауза.*

Г о л о с П о э т а. Здесь, очевидно, судьба, дело какого-то светозарного бога, ангела,
благосклонного ко мне. Из сердца поднимаются такие упругие и сильные стебли, что часто
кажется, будто я стою на пороге всерадостного познания – и хочу говорить: «Приидите ко
мне, вси труждающиеся и обремененнии – и Аз упокою вы. Ибо бремя Мое легко».

Часть первая

*Ночь. Храп, стук часов. Квартира Поэта. Дверь взломана. Беспорядок. На полу,
невидимый в темноте, лежит Поэт.*

*Майор курит, меряет расстояния между предметами, управляет лампой.
Рассматривает рисунки на стенах и надписи.*

*Звучат сигналы точного времени. Под звуки гимна сдвигается с места и едет
табурет. Майор спешно меряет расстояния, фотографирует.*

Неуверенно входит Сестра.

М а й о р. И опять, нахрен, обнаженные тела!

С е с т р а. Что? Кто здесь?

М а й о р. Здравия желаю! Очень кстати! Мне нужен судмедэксперт и понятия обоого
пола.

С е с т р а. Как вы меня напугали!

М а й о р. Вы пришли к Поэту?

С е с т р а. Да. То есть нет... Я сестра. Кто тут сестру кричал?

М а й о р. Видишь, какое дело, сестра. Он... как это... Отдал Богу душу.

С е с т р а. Опять!.. *(спотыкается в темноте)*.

М а й о р. Осторожно. Там тело.

С е с т р а. Что с ним? *(достает резиновый молоточек, бьет Поэту под коленку, водит перед лицом)*. Он не реагирует... Дайте лампу! Нужно проверить реакцию зрачков на свет... Слушайте, у него же лоб расколот!

М а й о р. В этом все дело.

С е с т р а. Расколота лобная кость в районе: венечный шов – левая височная линия – правая височная линия. Удар нанесен тупым предметом...

М а й о р *(поднимает кувалду)*. Этим?

С е с т р а. Очень... Очень похоже.

М а й о р. Чуяло мое сердце.

С е с т р а. Разрушен задний отдел средней лобной извилины. А, так вот откуда все эти рифмы... Речевая область... Открыто белое вещество.

М а й о р. Черт! Самый тихий Дом! Собор! Два самогонварения – все, что было. Что еще было? Ну, взрыв эротики. На прошлой неделе. А этого не было... Не было же? Не было.

С е с т р а. А кто вам сообщил?

М а й о р. Голоса!

С е с т р а. Как это...

М а й о р. Так. Я ночью не сплю. Слушаю. Стараюсь разобраться. Пи-пи, пи-пи... Поэта убили. Записываю. Мой город. Мой переулочек. Мой номер дома! Ах вы, думаю, сволочи! Бросил все, пошел... Правда.

С е с т р а. Нет, вы... это напрасно... Его не убили.

М а й о р. Я разберусь... Я разберусь с этой поэзией. Я узнаю, кто виноват!

С е с т р а. Это раньше было – убийства, самоубийства... В лагерь еще сажали... Теперь ничего этого нет, они теперь попадают в психоневрологический диспансер. Я ведь изучала поэзию в литературной студии, когда в школе училась, а потом еще специально в медицинское училище пошла. Бывает, конечно, суицидальный шантаж... Вот нет ли порезов рук?

М а й о р *(подумав)*. Если б не дверь... Дверь взломана! Все разворочено. Стены изгажены. И вообще...

С е с т р а. Это бывает! Депрессия, потом вдруг возбуждение. Меланхолический раптус.

М а й о р *(подумав)*. Если б другим чем... Ведь молотом. Как он мог... Ведь вот что они имеют в виду! Не-ет. Сволочи. Я найду...

С е с т р а *(поднимает руку поэта; рука остается в том положении, в каком она ее оставляет)*. Видите? Видите... Восковая гибкость. Это кататонический ступор с явлениями восковой гибкости. (Поэту) Что с вами? Что с вами, хороший мой? Вы меня слышите?.. *(Майору)* Давно у него мутизм?

М а й о р *(явно не слушая)*. Что?..

С е с т р а. Он с самого начала не говорил? Когда вы пришли?

М а й о р. Давно... *(отвечая своим мыслям)* Понимаешь, сестра? Есть негативные обстоятельства. Поэт убит. Удар нанесен в лоб. А я исследовал ногти – полное отсутствие борьбы. Неясна поза в момент удара. Нет крови на кувалде. Отмыли? Я исследовал... Отстойник совершенно сухой. И вот еще что... Обстановка в целом и каждый предмет в отдельности ведут себя крайне странно и угрожающе. Есть опасность разрушения улик.

Падает стакан со стола.

М а й о р. Я принял решение действовать без санкции.

Сестра. Отчего же они гибнут... Чего им не хватает...
Майор. И нет следов. Пыль, а следов нет. Как же так... Одни негативные...

Чайник поднимается над столом и, покачиваясь, плывет к потолку.

Майор (*встряхнувшись*). Ладно. (*Загибает пальцы*). Корысть. Хулиганство. Ревность. Еще что? Мечь. Убрать свид... Так. Нужен допрос свидетелей. Сестра, пойдём со мной. Черт, надо бы охрану места происшествия. Нет людей! Совершенно никого нет...

Уходят с лампой (которая продолжает гореть) и идут по некоему подобию лестницы.

Храп. Стук часов. Радиопозывные: «Над страной весенний ветер веет».

Голос Поэта (*глухо*).

Я был маленький и богатый,
У меня было две мечты:
Или поступить в солдаты,
Или разводить съедобные цветы...

Жильцы (*перебивая, поют – громко, на мотив «Широка страна моя родная»*).

Хочется не бурь, а постоянства!
Надоело это – КТО-КОГО!
Чтоб ни времени и ни пространства –
Дайте мне кусочек НИЧЕГО!
В этом очень миленьком кусочке
Я свернусь калачиком внутри
И скажу тогда, дойдя до точки:
Знаешь, Бог, и душу заberi!

Кто-то кричит во сне: «А-а-а-а... А-а-а-а...»

Звук упавшей монеты.

Майор останавливается, прислушивается к двери.

Майор. Один. Хорошо. Не спит. Ходит... Старый. Выронил деньги! Странно звенят...

Жилец.

По лестнице запрыгала копейка –
Вот так и я вертелся и звенел,
Покуда в ровный возраст не вошел.

Жилца. Тише.

Майор. Сестра! Заходим. Твоя задача...

Слышен стон.

Сестра. Там кто-то стонет! На улице!

Майор. За мной!

Бросаются вниз по лестнице.

Двор. Забор. Свет лампы на секунду выхватывает из темноты нарисованное мелом сердце; но, выбежав из дверей, майор наступает на воздушный шарик. Звук выстрела. Майор падает. Опять слышен стон. Сестра бежит к забору. Как бы навстречу ей распахивается калитка. Сестра падает.

М а й о р. Именем закона! *(Вскакивает, открывает калитку.)* Кто стрелял?

Пауза.

Майор уходит за забор.

Сестра осторожно приподнимается. Притрагивается к сердцу.

Ж и л е ц.

Осторожно по лезвию пальцем

Проведи, ощутив остроту

И какое-то жуткое чувство.

Ж и л и ц а. Да тише ты!

М а й о р. Здесь никого нет.

Сестра нерешительно подходит к краю сцены и всматривается в темноту зрительного зала. После некоторых колебаний идет в зрительный зал.

М а й о р. Сестра!

Сестра осторожно идет по залу. Резко оборачивается на малейшие звуки.

С е с т р а. Кашляют?..

М а й о р *(выходя из-за забора)*. Сестра! Где ты?

Прислушивается. Оседание декораций. Майор припадает к земле, слушает землю.

Сестра водит молоточком перед лицами. Бьет под коленку мужчине.

С е с т р а *(облегченно)*. Не реагирует...

Ощупывает мужскую голову. Тянет ее вверх. Голова отделяется от туловища.

Г о л о в а. А-а-а...

Сестра водит молоточком. Нюхает женскую голову. Осторожно тянет ее. Голова отделяется.

Г о л о в а. А-а-а...

Сестра быстро идет с головами на сцену.

М а й о р *(найдя обрывки шарика)*. Черт знает что! *(увидев сестру)* Где ты была?

С е с т р а. Товарищ майор... У вас не было такого? Выходить из дома... Ночью... Такое ощущение, что во дворе кто-то сидит...

М а й о р. Не понял. Кто это?

С е с т р а. Не знаю... Растения... Но как люди! Особенно в темноте.

Ж и л е ц.

Издали листья алоэ

Напоминают лапы осьминога,

Закопанного в землю головой.

Ж и л и ц а. Перестанешь ты или нет?

С е с т р а. Говорят, есть такие цветы – анютины глазки... Может, это они? Понюхайте!

М а й о р. Некогда. Поставь куда-нибудь... Стой! (*ощупывает головы*). Это же хулиган, черт бы его побрал. Это протезы! Вот гад... Я из-за него один раз вот так на фонарь лазил. Иду тоже ночью, смотрю – нога висит. В ботинке, думал – расчленение трупа. Полез... Сказалось – протез. Хулиган – отцов протез повесил, гад.

С е с т р а (*ставит головы на подоконник рядом с цветами*). Вы такой смелый. А я так испугалась... Я отличницей была в школе. В училище... Добро... совестная... В меня ведь еще никто не стрелял!

М а й о р. Выстрелов не было. Просто что-то бабахнуло.

С е с т р а. В меня стреляли, но промахнулись! Там, у забора!

М а й о р. Да ты что! Как это может быть (*идет к забору*), подумай сама! (*Видит дыру. Нагибается*). Слушай: пуля. Вот так да. Семь шестьдесят два. Штанцмарка... отсутствует. (*Сует в дыру палец*) Отщеп снизу! (*Отрывает листок бумаги, сворачивает в трубочку, просовывает в дыру и смотрит через нее*).

Ж и л е ц. Осел...

Ж и л и ц а. Тише!

Майор уходит за забор. Возвращается с обломком стрелы.

С е с т р а. Я упала (*показывает, как*), а они...

М а й о р. Секунду!

Очерчивает контуры лежащей Сестры. Светит лампой. Сидит на скамеечке, курит, думает.

Ж и л е ц.

Осел и заяц – разница большая,
Но у животных, внешне столь далеких,
Есть сходство несомненное в ушах!

Звук удара нотами по голове.

Майор шарит на земле. Замечает нарисованное на заборе сердце. Вставляет обломок стрелы в дыру. Думает. Садится.

Сестра подходит сзади к Майору и бьет ему под коленку.

М а й о р (*вздрагивает*). Ты что?

С е с т р а (*удовлетворенно*). Реагирует...

М а й о р. Еще под землей что-то происходит! (*Светит на землю*).

С е с т р а. Что?

Под Майором разваливается скамейка.

М а й о р. Угрожающие изменения!

Сестра. Но ведь у нас несейсмичная зона! Нам нечего бояться, правда?

М а й о р (*рассеянно*). Да...

Слушают землю.

Гул.

По залу к рампе катится пустая бутылка. Хулиган встает, идет следом за бутылкой.

С т а р у ш к а. Вы что? Куда?

Хулиган. Это ни к хуям не годится! Ой, мама, что это я говорю... Тзыс из но а... Ой, блядь, как это будет... но а факин гуд... Они же головы крутят!

Встает Человек обеспокоенный.

Хулиган. Че те надо, мужик?

Человек нерешительно садится.

Старушка. Сядьте сейчас же на место!

Хулиган. Мама! Я восемь лет в театре не был, я новый смокинг специально купил – а вы мне в карман насрали!

Старушка. Я вас сейчас выведу отсюда!

Майор. Вы кто такой?

Хулиган. Я?! Да я кормлю вас всех, а вы мне в компот серете! Россия гибнет, Хам грядет, Поэта убили... Вот он я, на, возьми меня, это я протез вешал! Это когда было, афедрон в фуражке? А теперь же я атташе по культуре! А ты, актер, даже не знаешь, кто я такой... Я уже восемь лет в Белом доме сижу, а ты говоришь, что я Поэта убил!

Майор. Я провожу расследование...

Хулиган. Еб твою в книгу мать! Ой, мама, извини... Расследование! Так и проводи расследование, а ты тут уже полчаса клопа ебешь! Ой... *(искренне страдая)* Позоришь меня перед публикой... Че ты вспомнил? Эти твои воспоминания нужны сейчас как пизде будильник! Ой, то есть это как ее... Это же, блядь, комплетели юзелес, понимаешь ты или нет?

Старушка. А ну-ка, выйдите немедленно из театра!

Хулиган. Мама! Как это... Я сейчас всю феню вспомню, это за восемь лет просто... Но твоя точка зрения – несколько обывательская, надо подняться выше. Но так нельзя. Чуть что – сразу Хулиган виноват... *(увидев жильцов)* А вы по кой хуй тут стоите?!

Жилец. Мы – хор.

Жилица. Нас позвали помочь, но плохо объяснили...

Хулиган. Плохо объяснили! Если вы хор, то это вы должны тут все объяснять! А ну, пошли все к Поэту, пердячим паром, *(поднимаются по лестнице)* что это за Поэт, может, он Блок, блядь, сто лет уже там лежит... А вы тут головы крутите...

Заходят в квартиру Поэта.

Хулиган. Ну, что... Ну...

Сестра. Расколот лоб в районе речевой области мозга. Удар нанесен тупым предметом... Наблюдается ступор...

Хулиган. А где мозг? Это мозг? А я вам окажу, что если «мозг страны» будет питаться все теми же ирониями по отношению к нам, или рабскими страхами, то он перестанет быть мозгом, и его вышвырнут...

Старушка. Это я вас сейчас вышвырну!

Хулиган. Мама! Вы поймите, куда они гнут – интеллигенция на народ... Народ всегда выше! Я выше интеллигенции, потому что я – власть, – а народ выше меня! Я сижу в Белом доме... Я чувствую охуи... страшное одиночество, потому что ни один интеллигент не может меня понять. А народ понимает! Я не удивлюсь, что и это все сделал народ – умный, спокойный и все понимающий. Я нисколько не удивлюсь, если он начнет вешать и грабить интеллигентов – именно для того, чтоб очистить от мусора мозг страны... Откуда вы знаете, что это мозг?

Сестра. А у вас в голове что?

Хулиган. У меня? А вы думаете... Вы думаете, если я власть... А это что? *(нагнув голову, показывает шишку)* Да там, наверху, все как здесь – вхуя... *(бьет по столу)* – то есть это... пизданешь!.. это... ту хит! – сюда – а оно – хуяк!.. э-э... как это... смэш *(бьет себя по затылку)* сюда!.. Это государственное строительство! Оно выше поэзии! Почитайте этого, блядь, как его... *(берет в руки чашку)* Платона...

Жилец.

На довоенной чашке самолет,
А ниже полустершиеся буквы:
«БУДЬ НАЧЕКУ!»

Хулиган *(удивленно)*. А откуда здесь моя чашка?

Майор. Чья чашка? Не прикасаться!

Хулиган. Э-э, не-не-не-не-не, подожди, подожди, подожди... Сейчас я все вспомню... Я здесь был... диссонансы... Как пили чай, помню... Я же тоже поэт... Мы все любили диссонансы... И когда я пошел во власть... по убеждению... По внутреннему убеждению это было соглашение музыкальное. Да, музыку надо! Там и здесь звучала одна музыка... Череп – это хуйня...

Старушка. Вы прекратите выражаться или нет? При женщинах! Как вам не стыдно!

Хулиган. Мама, что вы хотите? Музыка ведь не игрушка... Я вспомнил. Майор, слушай. Блажен, кто посетил сей мир... Как это, бля, там дальше... Не менжуйся, падла, не менжуйся... Не-не-не, подожди, подожди... *(ложится на пол; подняв руку, быстро читает)*

Не менжуйся, падла, не менжуйся!
Разве ж мы с тобою фраера?
Не про нас паскудное буржуйство,
Наша жизнь – дешевая игра!

Так, так... *(поет)*

Мы мотали сроки за Уралом,
Мы легавых брали на перо,
К нам марьяны клеились, бывало,
Краше, чем Мерлин Монро.

Измордую стерву, измордую!
Кочумай, шалава, и не ной!
А не то найду я молодую,
Буду целоваться с молодой.

Все, майор, я все вспомнил.

Милая, ведь я уже не отрок,
И не затем родила меня мать,
Чтобы каждый к херу сучий потрох
Норовил мне в бельмы намарать!

И блажен... кто... нет, подожди, как это... И призвали... в душу... всеблагие... что-то там... подожди, подожди... всеблагие... Его призвали всеблагие... Не менжуйся, падла, не... Нет, это уже было... Что-то там – как собеседника на пир... А!

В Каина и в Бога душу, Таня,
Не крути моей дурной башки,

А не то на руку намотаю
Я твои кудрявые кишки!

Отвечала Таня: да я не трушу!
Разве ж мы с тобою фраера?
Даром под окном по нашу душу
До рассвета стыли мусора!

(Вскакивает, обращается к майору). Вот так, майор, у меня память как у совы, я все помню – а тебе скажу: враги человека – домашние его. Шерше ля фамий! Ищи нелюбимую жену. Он жил с нелюбимой – бя буду! – отсюда все и пошло, семья, будь она проклята! Может, у нее ноги были волосатые, или дура какая-нибудь... Слушай! Я его видел с одной б... барышней... Во! *(показывает на стену)* Это она! Бля буду! Видишь – восемнадцать?

М а й о р. Совершеннолетняя?

Хулиган. Она раньше в восемнадцатой квартире жила. Это... Если бы я с ней не расстался и до сих пор бы любил ее! Она бы довела мою маму, совесть мою до болезни. Отогнала от меня людей. Испортила мне столько лет жизни, измучила меня... Довела бы меня. Потому что любовь, майор – как только она коснется жизни... Нет, ты не поймешь.

М а й о р. Что она вам сделала?

Хулиган. Именно что ничего не сделала, потому что я ушел от нее. Это... хуже, чем дурной человек – это страшное, мрачное, низкое, устраивающее каверзы существо. Любовь на земле – это страшно, она послана для того, чтобы мучить и уничтожать ценности земные. Пойду покурю. Что-то меня в вашем театре до слез проебло. М!.. *(хватается за голову, как от зубной боли)* Дипли тачед! Айм фелт дипли тачед – глубоко тронут я, мама, прости... *(уходит).*

Ж и л е ц.

Ни уток, ни коров, ни поросят.
И другом стал ребенку городскому
Штампованный пластмассовый осел.

Ж и л и ц а. Тише.

Хулиган *(с сигаретой выходит из дверей)* Куда-то я не туда ушел... Где тут у вас... А то, что ты, майор, на меня накатил... Это... Я конечно, понимаю, злоба дня, хуе-мое; но это ни в пизду, ни в Красную Армию. Ой... *(приседает, страдая)* извините, извините все... Да где у вас тут... *(ища выход, открывает какую-то дверь – оттуда торчит огромная белая ступня; он закрывает дверь, сигарета падает у него изо рта)* Что там такое...

Майор решительно идет к двери, открывает ее. Ступни нет.

С т а р у ш к а *(Хулигану)*. Ну, что же вы? Идите!
М а й о р. Все вниз! По местам! Следствие продолжается!

Хулиган, подняв сигарету, с минуту стоит неподвижно. Старушка уходит, вслед за нею жильцы.

Хулиган *(решившись)*. Няню Пушкина мать! Да какое мы имеем право бояться своего великого, умного и доброго народа? *(Уходит.)*

С е с т р а *(Майору)*. Куда мы теперь?

М а й о р. В восемнадцатую. Этажом ниже.

Сестра хочет идти; Майор задерживает ее, услышав шаги. Звучит песня на мотив Клуба знаменитых капитанов:

Лишь бы были кости –
Мясо нарастет.
Гривенник подбросьте –
Рубль упадет.

А орел ли, решка –
Дело разве в том.
Лишь бы только пешка
Сделалась ферзем.

Белая нога, с торчащей наружу проволокой, то возникает, то пропадает за декорациями.

Наконец, четыре жильца выходят из парадной двери, неся ногу на плечах, и поют.

Мы не волки – агнцы,
Истинны слова...

М а й о р. Граждане! Давайте будем петь после семи ноль-ноль!

Ж и л ь ц ы.

...Вегетарианцы –
Все нам трын-трава.
На земле мы гости,
Ну, да все равно.

Лишь бы были кости
Домино.
Лишь бы были кости
До-ми-но.

Уходят за забор.

С е с т р а. Ну и жильцы здесь...
М а й о р. Какие-то агнцы... Черт, не успел записать...

Спускаются по лестнице.

Человек обеспокоенный (*соседу*). Что у них за декорации... Все трясется...
Упадет еще...

Квартира № 18. Звонок в дверь.

Б а р ы ш н я. Нет! Это кошмар какой-то! Некогда мне!
Г о л о с М а й о р а. Именем закона!

Барышня выходит к двери, открывает ее. Майор фотографирует.

Б а р ы ш н я. Я же говорю – некогда! Что вы все взбесились! Бешеные! Разорваться мне, что ли?

Ж и л е ц.

Чтоб раскочегарить эту печку –
Виды повидавшую буржуйку –

У тебя, парнишка, дров не хватит.

Удар нотами по голове.

Барышня (*увидев Сестру*). А вы-то сюда зачем?

Майор. Боюсь, что вы меня не поняли, гражданка. В нашем доме найден мертвый Поэт. Ввиду опасности разрушения улики я веду дело без санкции. Если вы желаете проходить по делу в качестве подозреваемой – в таком случае вы можете не отвечать. Если же в качестве свидетеля – вы обязаны отвечать!

Барышня. Какой поэт? При чем тут я?

Майор. Не делайте вид, что вы незнакомы. Он ваш сосед сверху. Один хулиган видел вас вместе.

Барышня. Ах, эти... Два идиота. А почему именно я должна отвечать?

Майор. Вы были ему дороже других, как я понимаю.

Барышня (*хохочет*). Ой... не смешите меня. Ну да! Однажды он... Как бы это сказать... Вызвал во мне волнение. Я выбежала к нему... Ну, потом переспали. А наутро смотрю: он же совсем чужой. Может так быть: ночью все хорошо, а наутро чужой? А?

Майор. Он говорил с вами о чем-нибудь?

Барышня. Он? Да он вообще не умеет говорить! Он только одно слово знает: «блядь».

Майор. Пойдите... вы о ком сейчас говорили?

Барышня. Об этом... о Хулигане. А о ком надо?

Майор. Меня интересует Поэт.

Барышня. А при чем тут я?

Майор. Да вы любили его, в конце-то концов, или нет?

Барышня. Ну, любила один раз. Или два... А что? Это жизнь.

Майор. Поподробнее.

Барышня. Разделись, легли... А тут у него везде еще эти бумажки шебуршатся, я их сметаю, он за ними; вдруг – бац! Открывается дверь, заходит сосед, и они начинают про корону спорить. Представляете? Ой, как я испугалась!

Майор. Про какую корону?

Барышня. Почему я знаю! Я сижу, как дура, совсем голая, а они... Пошла в ванную, в темноте на стол наткнулась... Видите, какой синяк?

Майор. Нас не интересуют интимные подробности.

Барышня. То интересуют, то не интересуют...

Майор. С Поэтом вы говорили о чем-нибудь?

Барышня. Сколько угодно. Когда гуляли.

Майор. О чем?

Барышня. Разве я упомяну! Это же в вертикальном положении. Вертикальное положение – оно ведь, как бы это сказать... для связки только!

Майор. Может быть, о короне?

Барышня. Нет... Что-то такое... А! В последнее время он говорил, что ничего не понимает.

Майор. Что не понимает?

Барышня. Почему я знаю! Сядет на диван и талдычит: ничего не понимаю! Ничего не понимаю!

Сестра. Мучительно?

Барышня. Что – мучительно?

Сестра. Мучительно не понимаю?

Барышня. Почему я знаю!

Сестра (*Майору*). Если он мучительно не понимал, то это аффект недоумения.

Майор. Из-за чего вы разошлись?

Барышня. Ему было наплевать на все.

Майор. А поподробнее?

Барышня. Терпеть не могу, когда путают мои платья! Сядь, говорит, я буду тебе стихи читать – помнишь, ты была в этом же голубом... Совсем и не в этом! То с сеточкой, и поясик, и талия косая, и...

Жилец. Красив воротник из бобра!..

Жилца. Тише!

Жилец. Где-то горюют бобрята,

Отца вспоминая и мать.

Майор. Так он читал вам стихи?

Барышня. Он остохуел мне со своими стихами!

Майор. Не выражайтесь!

Сестра. В чем это выразалось?

Барышня. Что?

Сестра. Как он читал стихи?

Барышня. Ну, произносил вслух... Разные слова...

Сестра. Тихо или громко? Выкрикивая или нараспев?

Барышня. То тихо, то громко, то выкрикивая, то нараспев!

Сестра (*Майору*). Это аменция. Вид помрачения сознания. Бессвязное речедвигательное возбуждение, аффект недоумения... (*Барышне*). Речь ведь состояла из отдельных, не связанных по смыслу слов?

Барышня. Совершенно не связанных! «Ночь! Улица! Фонарь! Аптека!»

Сестра. Что он при этом делал? Размахивал руками?

Барышня. Размахивал.

Сестра. Раскачивался из стороны в сторону?

Барышня. Ага.

Сестра. Все ясно. Аменция.

Майор. Подожди, сестра...

Сестра. Больной должен знать свою болезнь. Если бы он знал, это бы его спасло.

Барышня. А! Еще он говорил, что я его могу спасти.

Сестра. Это уже бред значения. Молодая женщина символизирует спасение.

Барышня. Да... Красота, говорит, мир спасет...

Сестра. Слушайте, но вот неужели он был вам совсем не интересен? Такая красочная, мозаичная картина! Синдром накладывается на синдром!

Барышня. Я просто живу своей жизнью, и не собираюсь смешивать ее с чьей-либо еще. А от семейной жизни дичаю, на луну начинаю выть... Да вы уж не сватать ли меня пришли? Он послал?!

Майор. Он же мертвый.

Барышня. Ну и что.

Майор. Как же...

Барышня. Подумаешь, мертвый. Это он вам сказал, что мертвый? Я знаю, это модно сейчас. Течение такое. Некрореализм. У них там Юфит главный. Весь в шерсти.

Майор. Что вы тут... Какой Юфит?

Барышня. Они будут забору стихи читать.

Майор. Поэт лежит над вами, у него лоб расколот!

Барышня. Да у меня тоже голова... Ой! Как лоб расколот? Он чокнулся, что ли? Потолок же протечет!

Майор. Вы... Вы хоть знаете, что такое смерть?

Барышня. Ой, только не надо, это опять какая-то отвлеченная идея. Я живой человек и хочу им быть, хотя бы со всеми недостатками; когда же на меня смотрят как на какую-то отвлеченность, хотя бы даже идеальнейшую, мне это невыносимо, оскорбительно, чуждо.

Сестра (*Майору*). Бред Котара. Больная убеждена, что лично у нее смерть никогда не наступит. (*Барышне, ласково*) Скажите, весь мир на вас держится?

Барышня. А что? Да если этот дом еще не разъехался к черту – это потому, что я тут живу. Я жизнь даю! Понятно вам?

Майор. Всем даете?

Барышня. Да, всем!

Жилец. Мы вечно эту жизнь по буквам учим,
Попутно в чем-то пачкаясь вонючем.

Удар нотами по голове.

Жилец (*запевает на мотив «Там, вдали за рекой»*).

Я плыву по реке, обтекает вода...

Майор. Бот что. У вас там, я вижу, носки сохнут. Если не секрет – чьи?

Барышня. А! Это ученого. Соседа того! Он такой смешной! Я к нему захожу...

Жилец. Мое сильное, бодрое тело!

Майор. Пожалуй, достаточно. Всего хорошего!

Барышня. Хм...

Захлопывается дверь.

Жильцы (*подхватывают песню*).

...Буду вечно я жить, не умру никогда,

Жизнь моя не имеет предела.

Я не буду травой, я не буду землей,

Я не буду больным и убогим.

Разбиваю я волны своей головой

И руками сдвигаю с дороги.

Майор. Ну и груди ж у нее! Как бицепсы.

Сестра. Куда мы теперь?

Майор (*открывает блокнот*). Носки стирала... Я так и думал. Стирай не стирай, а экспертиза кровушку найдет... Ревность! Вот что. И корона у него! Чует мое сердце. Идем наверх. Сестра! Твоя задача: следить, чтоб он не выбросил чего-нито в окно или...

Хотят идти; натываются на Барышню.

Барышня. Не буду вдаваться в формальности по поводу того, что мне не стоило бы говорить. И все-таки копнем эту самую суть. Всего проще, по-моему, поднять руки вверх и крикнуть: «Вы дура, мадемуазель!» Это всего проще!

Майор. Барышня, мы с вами все вопросы решили.

Барышня. Но тогда я не поняла, чего ты приходил. Признаюсь честно, я была удивлена, что ты выбрал меня в качестве собеседника. Отвечала я весьма дурственно, лишь бы ответить. Я просто не поняла. Но ты, как я вижу, не воспринимаешь такого равнодушия по отношению к себе.

Майор. Я не...

Барышня. Нет, я скажу. Ты хотел, чтоб я говорила? Я тебе скажу. Почему трудно понять тебя мне? Во-первых, ты углублен в себя, в свое собственное я, ты предоставляешь людям понять в тебе то, что хочешь, что считаешь нужным. Ты говоришь об искренности, а на самом деле получается набор умных фраз, на которые очень трудно ответить. Мне было бы легче общаться с тобой, если бы ты молчал и был как-то проще, доступнее.

М а й о р. Я боюсь, вы тут простудитесь.

Б а р ы ш н я. Ничего ты не боишься, не лги. И не надо меня сбивать. Во-вторых, ты умен, проницателен, начитан; но ты судишь обо всем со своих позиций. Ты принимаешь возражения, но ты их тут же опровергаешь, ты очень требователен к людям, но эти требования исходят от тебя самого, а не от того, как может быть, как должно быть.

М а й о р. Барышня...

Б а р ы ш н я. В-четвертых, ты, по-моему, примитивно относишься к женщинам. Видишь их извне, но не хочешь принять их мир, их игривость, чувственность, непостоянство в мыслях и поступках. Я уверена, что любая на моем месте женщина, не деловая, конечно, недоуменно пожала бы плечами на некоторые твои высказывания. Я пожимала плечами, но думала, что ж будет дальше, из любопытства. В-пятых, ты очень нетерпелив, хочешь, чтоб было «да» или «нет», а для нас более присуще «не знаю», «подумаю».

М а й о р. Это все очень хорошо, но – честное слово, нам некогда. Важное дело ждет, вы в самом деле не понимаете...

Б а р ы ш н я. Зря, очень зря, считаешь, что для тебя ценно – для меня нуль. Нет уж изволь! Я очень люблю искусство, люблю поэзию, театр, музыку. Ты даже не представляешь, насколько мне дорого все прекрасное. Слышишь, не заносись высоко, не думай о нас плохо, я не позволю тебе!

М а й о р. Убит Поэт... А может, вы хотите подняться, посмотреть?

Б а р ы ш н я. Ты, извини за выражение, но ты втаскиваешь меня, постоянно тащишь в свой мир. Возможно, я на данный момент нетактична – но туда, куда ты меня хочешь втащить, надо, по-моему, входить спокойно и осторожно – чтобы потом не разочаровываться.

М а й о р. Слушайте... а не принимаете ли вы меня за кого-то другого?

Б а р ы ш н я. Эх... Вот ты же сам противоречишь своим же высказываниям. Какая же, к черту, это искренность. Это переливание из пустого в порожнее. Знаешь что? Как я поняла, люди – некоторые – для тебя марионетки. Вы с Поэтом – два сапога пара. Он тоже говорил мне – «очистим память». Какое он имел право решать за меня? Нет, извольте, я сама буду решать – очищать или не очищать то, что я берегу в себе, как самое сокровенное – потому что это я, это мое...

М а й о р. Сестра, пойдем.

Уходят по лестнице. Шумы эфира.

Б а р ы ш н я (*Майору вслед*). А может, ты взревновал? Из-за этих носков? Да на кой мне эти носки? (*Выбрасывает носки.*) Они тут меня полюбивают страшно, но надо же быть такими идиотами, чтоб серьезно воспринимать то, что я пьяная несу! (*прислушивается*). И все-таки прискорбно, что ты послал все к черту. Больше никак не скажешь! (*В сердцах хлопывает дверь.*)

Майор, вздохнув тяжело, садится на ступень.

Морзянка, музыка, треск.

Г о л о с П о э т а (*еле слышно*). Ужасно странное чувство – исполнимость невозможного. Внезапно, точно из какого-то откровения, появляется, возникает и опять пропадает: мысль непривычная еще, мысль небывалая, Неизреченного Света, простейшая в красоте, торжественная в величии (*тонет в шумах*).

Г о л о с П о э т а (*очень хриплый*). Вранье. Просто голос пропил. Я на Кавказе в снег с открытым воротом бегал, простудиться хотел... (*тонет в шумах*).

Г о л о с П о э т а (*неожиданно отчетливо*). Настал вечер, и я нашел себя. Нашел великую, бьющую волнами любовь, сердце, как факел, все дрожащее и бьющееся. Нашел

Твою песню в воздухе. Ты, Ангел Светлый, Ангел Величавый, Ты – Богиня моих земных желаний. Я впился в Твою жизнь и пью ее. Вся тебе знакомая сложность, может быть вычурность моих рассудочных комбинаций временами бросается в сердце, там плавится и пылает, и все это как огромный бушующий огонь, я чувствую и знаю, все будет по-земному, по-здешнему – Твое без конца, без разделений. Будет время, которое оглушит меня самого. Я понимаю, я знаю любовь, знаю, что «ума» не будет, я не хочу его, бросаю его, забрасываю грязью, топчу ногами. Есть выше, есть больше его. Ты одна даешь мне то, что больше. Все лучшее покрывает один зовущий звук Твоего голоса. Только пусть Ты около, Ты, гибкая, как стебель, влюбленная, зовущая в ночь – и знать, что замолчит голос, потушат огни – и мы уйдем, и будет ночь, и мы будем вдвоем, и никакие силы не разделят, и будет упоение и все – забвение, сила сплетающихся рук, Твои поцелуи, Твои плечи, Твое благоуханное дыхание, замирающие движения, красота, страсть и безумья долгих мгновений. Чтобы знали оба, что принадлежат друг другу во всем, и был ответ на вопрос без слов и без мыслей. О, я знаю, что это может быть!

Удар колокола.

Квартира Физика. Полумрак. Физик сжимает что-то в тисках.

Физик. Кто там?

Голос Майора. Именем закона!

Физик. Заколебали... (*шаркая, идет открывать*). Вы заколебали со своими законами! (*открывает*).

Майор. Так!..

Физик. Я занимаюсь не законами, дорогие, милые мои, законы в школе! В школе! А нарушениями законов. Нарушениями, понимаете? Отклонениями...

Майор. Мы в этом не сомневались. Разрешите пройти. Чем же конкретно вы занимаетесь?

Физик. Вообще – спикулами.

Майор. Это по новой фене?

Физик. Да, по новой теме. Впрочем, какая же она новая! (*Сестре*). Возьми тапки, что ли. (*Отдав шлепанцы, остается босым.*)

Майор. А в частности?

Физик. М?

Майор. Это вообще, а в частности?

Физик. Так... Один любопытный опыт. Что вы делаете?

Майор разжимает тиски; оттуда выскакивает монета.

Майор. Хороши опыты, гражданин физик...

Физик (*ищет монету*). Что с ней?

Майор. Может, вы нам сразу и корону покажете?

Физик (*встает столбом*). Что... Корону?..

Майор. Что вы так испугались?

Физик (*подумав, показывает пальцем на Майора*). Нарушение первого закона?

Майор. И первого, и второго, и сто второго...

Физик (*подняв руки*). В короне я профан. Так вы физик! Я СРАЗУ догадался. Когда вы полезли в установку. Есть! Есть у меня и корона. У меня есть прекрасная корона. Уникальная корона.

Включает свет.

Стены увешаны огромными, крупномасштабными фотографиями пятен. Напоминает что-то онкологическое.

Физик. Значит, вы тоже... Я так рад, коллега! Живу анахоретом, никого не вижу... А где еще искать, верно? Энергия... Пятна вас не интересуют? Во какой красавец! *(показывает фотографию).*

Майор. Кто это?

Физик. Локхид. Мэйд ин Локхид. Во спикулы пошли... Хр-р... Видите... Спикулы не интересуют? Грануляция... Супергрануляция... Прекрасные снимки... А! Вот она! Вот ваша корона. Ну, это у всех есть. Классика. А вот Ньюкирк. Полное затмение. А в рентгеновских лучах? Во прелесть какая!

Сестра. О Боже!

Физик. Ха-ха! Это, мать, самые спокойные протуберанцы. «Частокол» называется. А вот смотри: дедушка. Вот он пошел. Пошел, пошел, пошел...

Майор. Вы что... Вы хотите сказать, что это... что это наше...

Физик. Ну, что вы! Наше... Обсерватория Сакраменто Пик... Ну как? Прелесть?

Майор *(мрачно)*. Прелесть.

Физик. Ха! Кстати! Знаете, мой сосед...

Майор. Поэт?

Физик. Да! Вы тоже знаете? Слушайте: какой к черту поэт? Он физик!

Майор. Разве? *(Открывает блокнот.)*

Физик. Я вам говорю! Так вот. Заходит и говорит...

Майор. Стоп! Он первый пришел или вы к нему?

Физик. Он... Или я... Нет, он пришел. Да какая разница? А! Он приходил мириться.

Майор. Мириться?

Физик. Ха! Я тоже обалдел. Коллега, говорю, разве мы ссорились?.. Кстати! Вот, попробуйте. Вода. Вы когда-нибудь пили настоящую воду?

Майор. Потом! Что было дальше?

Физик. Да... На чем я остановился... Да! Я говорю: разве мы ссорились? Он говорит: как же! Ты физик, я лирик. Нам нельзя не ссориться.

Майор. А вы, значит, отрицаете, что между нами была вражда?

Физик. Нет, как-то все... некогда.

Майор *(подумав)*. Хорошо. И что же Поэт?

Физик. Ну вот. Он и говорит: анахореты должны любить друг друга! Я говорю: коллега, я профан в данной области, поэтому мы рискуем оказаться во власти существующих теорий. По-моему, эти э-э... Как они? Люди! Вообще любят друг друга, и тут уже все открыто. Он говорит: а знаешь, кто я? Я говорю: кто? Он говорит: король лир. Я говорю: да? Он, знаете ли, посмотрел на меня... И говорит: король я или не король. Я говорю: хрен с тобой. Он говорит: нет, скажи «до конца ногтей». Я говорю: до конца ногтей.

Майор *(записывая)*. Не так быстро.

Физик. Он говорит: тогда я имею право чеканить монету. Я говорю: давай. Зачеканим. Он говорит: но я хочу такую монету, чтоб она имела хождение в королевстве любви. Я говорю: тут я профан. Он, знаете, посмотрел на меня... И ушел.

Майор. Он был встревожен, взволнован?

Физик. Нет, он был... грустен? Да, грустен.

Сестра. Не жаловался ли он на тягостные ощущения в области груди? Живота? Нет? А не делал он так... *(вдыхает)*.

Физик. Ты знаешь, мать: делал! Но в другой раз. А что?

Сестра. Он жаловался, что видит все как бы сквозь пелену...

Физик. Да! И... тягостные ощущения. Он жаловался на тяжелое положение в литературе. Я говорю: в гравитации я профан. Некуда, говорит, идти. Я говорю: ты ж король! Он говорит: я уже не король, я Божья дудка.

Майор. Это как? Что он имел в виду?

Физик. Ну, это когда он тратит, а не пополняет. Пополнять нечем и неинтересно.

Сестра. Понятно. (*Майору*) Гипотимическая депрессия.

Физик. Да. Больцман в таком положении застрелился.

Майор. Ваш знакомый? Тоже анахорет?

Физик. Да... То есть...

Майор. И что дальше?

Физик. Ну вот. Я, говорит, не король. Я говорю: ну вот, а я тебе монету зачеканил.

Майор. То есть вы не отрицаете, что делаете монеты?

Физик. Да... Я загорелся... Я бросил все! Это же... Я был в тупике. Эти спикеры...

Эта «горящая прерия»... (*Сестре*) Представь, мать: язык пламени поднимается на десять тысяч километров вверх... И гаснет через две минуты. Вот они. Что это? Какая энергия! И где она? Куда она делась?... И тут он с этой монетой. (*Быстро рисует на доске мелом.*) Это же так просто. Пятно, пятно. Плюс, минус. Ведущий, ведомый. Да – нет, истина – ложь, любит – не любит – все это съезжает к экватору. Поле скручивается, выгибается... И схлопывается вот так... (*показывает рукопожатие*). Я взял две монеты и стиснул их в тисках.

Сестра (*Майору*). Первичный бред периода инкубации.

Физик. Например, вы не знаете, куда идти. Кстати, мой учитель для определения этого использовал трепет длинных ресниц. В буквальном смысле. Надо лишь завязать ресничку в узелок. Я недавно пытался... Пальцы не те.

Майор. Разрешите взглянуть.

Физик. М? Ради Бога. Да! Но этот компас всегда показывает два направления. И вот с помощью этой монеты, на данном пространстве событий, можно определить, куда идти.

Майор. Да, не те...

Физик. Дайте сюда. Смотрите. Ап! (*подбрасывает монету и ловит*). Что? Орел. Еще раз. Ап! Орел. Ап! Орел. И снова орел. Видите? (*Майору*) Вам ничто не приходит в голову?

Майор. Мне приходит в голову...

Физик. Если б знал коллега Больцман! Увы! Он брал во внимание обычные системы.

Майор (*мрачно*). Я чувствовал, что к этому идет.

Физик. Ну конечно. Все дело в энтропии. Тяжелое положение. (*Сестре*) Вот мел. Почему он лежит и не взлетает вверх? Здесь же столько молекул! Если бы они собрались и ударили в него снизу... Но! – им все равно, куда лететь. Вот в чем дело... Так вы поняли? (*подбрасывает монету*). Ап! Орел. Ап! Что? Орел...

Майор. Вот что! Мне не нравится этот ваш опыт.

Физик. Почему?

Майор. Потому что! Понятно, почему. Вы что? Такие вещи... Надо же быть очень осторожным в этих вещах!

Физик. Да! Да! Я понимаю. Есть опасность. Но...

Сестра. А у них как с этим делом?

Физик. У кого?

Сестра. У них... В... необычных системах?

Физик. О! Необычные системы! Там нет ничего невозможного!

Майор (*мрачно*). Понятно.

Физик. В системе, которую образуют ядерные спины, температура может быть ниже абсолютного нуля!

Сестра. Правильно ли я поняла... Что этот ваш друг застрелился оттого, что мел не подпрыгивает?

Физик. Он пришел к выводу, что вероятность этого все уменьшается, и данная тенденция необратима.

Сестра. Не мог ли и Поэт прийти к такому же выводу?

Физик. Какой поэт? А! Да! Ты знаешь: когда в одну залу – там у них была какая-то коронация – не пришел весь город, он очень переживал. Да, но это же обычная система!

Майор. Понятно.

Физик (*пишет на доске*). Вероятность попадания равна ширине дверей делить на суммарную ширину всех тротуаров плюс коридоры, помноженные на средний этаж... А если бы направление и порыв... А как говорил физик Лев Толстой... (*продолжает писать*) то даже если б не было дверей... стена, как говорил сосед... то... отношение интенсивностей падающей и проходящей волн... примерно равно e в степени минус четыре пи на аш на корень квадратный из два эм у минус e помножить на а, где у и e отсчитываются от дна потенциальной ямы. А туннельный эффект состоит в том...

Майор. Да все понятно! Смотрите сюда! (*показывает фотографию*). Вам знакома эта барышня?

Физик (*улыбаясь*). Да... Она физик! Вы тоже знаете?

Майор. Прекрасно!

Физик. Ха! Я угадаю, на какой почве вы сошлись.

Майор (*показывает носки*). Ваши носки?

Физик (*хлопает в ладоши*). А я думал, волны Россби... Собственно, я сам хотел испытать. Черт его знает! Я все не верил, что это настоящая вода. Но он так просил...

Майор. О какой воде вы все время говорите?

Физик отдергивает ширму. За ширмой разные предметы, у которых есть прорезь: телефон, турникет, урна для голосования и т.п. Физик, набрав горсть монет, с торжествующим видом сует их в прорези, подставляет стакан. Из предметов в стакан бьет струя воды.

Физик. Я сам удивился...

Сестра (*с совершенно ошарашенным видом*). Что... Это...

Майор. Нет. Я больше не могу.

Физик (*виновато*). Но я же... только начал... Он пришел, сказал: духовной жаждою томим...

Сестра. Дипсомания.

Физик. В пустыне мрачной я влачился...

Сестра. Ступор.

Физик. И шестикрылый серафим на перепутье мне явился...

Сестра. Делириум тременс.

Физик. Перстами, легкими, как сон...

Сестра. Патологическое просоночное состояние.

Физик. Моих зениц коснулся он – отверзлись вещие зеницы, как у испуганной орлицы, моих ушей коснулся он – и их наполнил шум и звон...

Сестра. Слуховые иллюзии в форме акоазмов.

Физик. И внял я неба содроганье, и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье...

Сестра. Гиперестезия.

Физик. И он к устам моим приник, и вырвал грешный мой язык, и празднословный и лукавый...

Сестра. Ипохондрия.

Физик. И жало мудрыя змеи в уста замершие мои вложил десницею кровавой. И он мне грудь рассек мечом, и сердце трепетное вынул, и угль, пылающий огнем...

Сестра. Дисморфофобия.

Физик. Во грудь отверстую водвинул. Как труп, в пустыне я лежал, и Бога глас ко мне воззвал: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли, исполнись волею моею...

Сестра. Навязчивое состояние.

Физик. ...и обходя моря и земли, глаголом жги сердца людей».

Сестра. Все ясно. Синдром Кандинского – Клерамбо.

Физик. Ну вот. Скажи, говорит, чего тут не хватает. Я начал с начала: взял жажду, начал искать... Сейчас все ищут в щелях между науками... И мне казалось... я думал, что я попал в щель... между физикой и...

Майор. Я вас понял прекрасно. Вы гнете в одну сторону.

Физик. И лирикой...

Майор. Вы хотите расшатать наши законы. Вы хотите нашу, обычную систему превратить в необычную.

Физик. Не знаю, удастся ли мне... Я только хотел бы, чтоб горение не приводило к смерти, а за творчество не надо было платить...

Майор. Тем временем кто-то кому-то пробивает лоб вот такой вот кувалдой... Где тут выход?

Физик. Что...

Майор (*уходит и возвращается*). А вот насчет этого (*показывает вокруг*) – я вам не верю. Я не верю, что это солнце. Это не солнце, понятно?

Физик. Подождите... Коллега...

Майор. Я вам не коллега! А это не солнце. Я вам...

Физик. Подождите. Подождите, ради Бога! Что... Что вы сказали про кувалду?

Майор. Кувалдой убит ваш сосед, ударом по лбу.

Физик. О Господи...

Майор. А это не солнце. Я вам докажу, что это не солнце. Солнце такое не бывает. Сестра!

Физик. Подождите...

Майор и Сестра уходят.

Голос Поэта. Так будет волнующаяся жизнь, и мы будем опьяненные высоко, на гребнях волн, и будем стремительно, в вихре и пене нырять до самых глубоких и тайных проникновений в жизни друг друга. Оттого мы совсем узнаем и поймем друг друга только тогда – и во все остальные мгновения будет памятно это стремительное и бурное познание друг друга без мыслей и разговоров, без слов и рассуждений. Так Ты хочешь, я знаю, но знай, что и я хочу именно так, не иначе. Я хочу быть без конца влюбленным в Тебя.

Морзянка, шумы.

Меркнет свет. Физик стоит в растерянности. Идет в грустном раздумье, натывает на предметы. Смотрит в окно.

Музыка. (Мотив «Гренады»).

Голос Поэта.

Голубчик товарищ, из наших ребят
В живых мы остались одни, говорят.

И мы не выходим, ведь падает снег,
Мы слушаем радио, выключив свет.

Нам кажутся, мнятся в закрытых стенах
Ребят голоса на коротких волнах.

Как будто за кнопкой включения в эфир
Неумный и подлый скрывается мир.

И наши ребята смущенно и зло
Глядят, будто в бездну, на нас сквозь стекло.

*Удар колокола.
Пауза. Тишина.*

Мужская голова. Эй, кто там за начальника! Привертывай обратно! Курить пора!

Хулиган (открывает калитку). Э...

Мужская голова. Кончай притворяться! Антракт!

Женская голова. Ой, что вы кричите! Не можете вежливо попросить? Молодой человек, будьте добры! Скажите вашим... электрикам, пусть хоть фонарь погасят. Меня еще так поставили неудобно: светит мне прямо в глаз! Будьте добры.

Хулиган. Ноу проблемс!

Подкидывает бутылку. Звон. Гаснет свет, когда из дверей выходит Майор.

Майор. Черт!

конец 1-й части

Интермедия

Окно у парадной двери. Головы разговаривают на подоконнике.

Мужская голова. Хе-хе... То-то я слышу... Извините, если не секрет... Хе-хе... гражданочка... Как вас величать?

Женская голова. Мария Владимировна.

Мужская голова. Да что вы говорите... Хе-хе... Я ведь тоже Владимирович... Павел Владимирович...

Мария. Давно без болвана?

Павел. Простите... Без чего?

Мария. Без телесного болвана.

Павел. А! Без корпуса-то... Так а первый день сегодня.

Мария. Ну, и как вам?

Павел. А я как чувствовал, что не надо сюда идти! Это на работе билет всучили – Димитрич, тые... Ох, я ему... Надо же – башку ни за что открутили и на блюдо поставили!

Мария. А вам что, не нравится?

Павел. Да нет, раз надо для искусства – пожалуйста! Но обидно ж. Чуть что – сразу Паша. Паша туда, Паша сюда! Вон, отворачивай у этого: у длинного! Молодого нашли, тые...

Мария. А мне нравится... Хоть какое-то разнообразие...

Павел. Так а... А вы, Мария Владимировна, извиняюсь за бестактность... Не замужем?

Мария. Станный вопрос. Чего бы я тогда в театр пошла. Просто одной скучно...

Павел. Понятная психология... Да нет, я ничего – валяйте, откручивайте. А может, и было за что – случайностей ведь не бывает, я так понимаю... Мне-то больше всего коньяку жалко. Я в буфете принял, а он там, в корпусе остался. Один, без меня...

Мария. Деньги зря платили?

Павел. Не в том дело! Что вы! Тут моральная сторона. Чего... Чего зря-то дулить... Это ж коньяк!

М а р и я. А вы замечаете, Павел, как вкусно пахнет земля в горшке?
П а в е л. Очень даже замечаю... Обоняние обострилось. Нос стал как у собаки. А вон, глядите, букашка ползет. Стало быть, нора у нее тут...
М а р и я. А хорошее имя – Павел... Какую-то струнку задевает...
П а в е л. Как курить-то охота...
М а р и я. Тише... Кажется, начинается...
П а в е л. Хоть бы папироску кто принес!

Открывается калитка. Входит Хулиган с гитарой.

Хулиган (*поет*).

Жизнь полна и невзгод и тревог
и забот и утрат – сам не рад –
и любой это знает.
У порога плевков – извините меня –
замерзает...

Осматривает забор. Вытаскивает из сердца стрелу.

На плаву поплавок,
пока глыба, унылая рыба, ко дну не потянет.
Но плевков одинок,
и никто, кроме нас, идиотов, его не помянет...

Осматривает подоконник. Дает Павлу Владимировичу закурить.

Что-то холодно стало на этой воспетой планете.
Вот замерзнет плевков на боку у нее и никто не заметит.

Сам-то ты хоть ловок,
И такой и сякой, весь ученый-перченый –
смачный Божий плевков,
коченеющий полночью черной.

Уходит.

П а в е л В л а д и м и р о в и ч. Вот теперь можно начинать.

Часть вторая

*Ночь. Храп, стук часов. Включается лампа Майора.
Лестничная площадка. Майор сидит у стены, обняв лампу, мрачен.
Появляется Супруг.*

С у п р у г. Извините...

М а й о р. Кто такой?

С у п р у г. Осмеливаюсь беспокоить... Я из 14-й квартиры...

М а й о р. Что вы здесь делаете? Почему не спите?

С у п р у г. Весьма признателен за заботу о сне моем, но...

М а й о р. Стойте! Что это у вас?

Светит лампой. У Супруга на лбу синяя клякса.

Супруг. Лысею... Но... Не в этом дело... Надобно вам сказать, я женат около семнадцати лет. И... расходы свадебного обзаведения... соединенные с уплатою долгов... Дела мои совершенно расстроены. Осмеливаюсь прибегнуть... Три рубля, данные вами взаимобразно на пять лет или менее...

Майор. Что вы такое несете?

Супруг. Как вам будет угодно. Во всяком случае, Супруга моя просила вас подойти к ней.

Майор. Ничего не пойму. Супруга? Что с ней?

Супруг. Ничего... Просила подойти.

Майор. Что же она сама не подошла?

Супруг. О! Что вы! Она давно не выходит.

Майор. Что-то много анахоретов...

Идут по лестнице.

Дверь в № 14 открывается; за порогом стоит очень толстая Супруга. Некая сила тянет ее назад, но она упирается.

Супруг. Женка, ангел мой, позволь тебя познакомиться. Товарищ майор с супру... Товарищ майор.

Майор. Очень коротко: что вы хотели?

Супруга. Да... Не знаю, как начать... Я так волнуюсь...

Супруг. Женка моя имела удовольствие случайно слышать...

Майор. Какой-нибудь шум? Вчера вечером?

Супруга. Да! Нет. Не вчера. Сегодня... Я слышала. Я так взволновалась! Я хотела спросить вас... Иначе я не усну!

Майор. Успокойтесь. Что вас так взволновало?

Супруга. О, эти специи... Ради Бога, объясните мне...

Майор. Какие специи?

Супруга. Вот те, о которых вы говорили здесь... С этой... Ведь я когда-то же знала все... Я помню запах... Это что-то такое... О, я с ума сойду!

Майор. Да объясните толком! Что вы имеете в виду?

Супруга. Вот: *(читает по бумажке)* по – э – ты... Или это не специи? Но это что-то божественное... Я не могу вспомнить...

Майор. Гражданка! Это совсем не то!

Супруга. Я вспомнила! Это типа фейхоа?

Майор. Чего?

Супруга. Мы варим варенье из фейхоа.

Майор. Ну и что? Какое, к черту, варенье!

Супруга. Но я точно помню, что это старинная кухня! Мы сейчас полностью переходим на старинную кухню. Я помню, в детстве нам давали эти поэты на десерт. И у нас они были в доме, в кладовой, я помню запах... Мой организм помнит, то есть они были в организме; но мы их, видно, вывели вместе с токсинами.

Супруг. Ангел мой...

Супруга. Что ты будешь со мной спорить? Когда мы начали кофейные клизмы, они вывелись.

Майор. Да ну вас... *(хочет уйти)*.

Супруга. Вы не можете так уйти! Вы должны сказать, как с ними сочетаются: *(готовится записывать)* первичные белки, вторичные белки, жиры, крахмалы, бахчевые, овощи, и отдельно сладкие фрукты, кисло-сладкие фрукты и кислые фрукты.

Майор. Пошли бы вы... Это совсем не жратва!

С у п р у г а. А... *(пораженная)* что же тогда вы ищете?

М а й о р. Вас не спросили *(уходит)*.

С у п р у г а. Что может быть важнее продуктов? Хлеб – всему голова! Еще в Библии сказано: хлебом единым жив человек! *(тицетно пытаюсь пролезть в двери)* И партия! И партия говорила: накормите страну! А потом уже!.. Занимайтесь!.. Человек должен стать частью природы!

Некая сила втягивает ее в квартиру. Дверь захлопывается.

Майор, мрачнее тучи, выходит во двор.

Сестра бросается к нему с бутербродами и лимонадом.

С е с т р а. Товарищ майор! Товарищ майор! Где же вы были? А там так здорово! Все блестит! Ковры, перила! Как будто в театре! И буфет. Вот, покушайте, а я пока подежурю за вас. Вы только скажите, что делать. Товарищ майор! Товарищ майор... Что с вами?

Майор неподвижен.

С е с т р а. Зачем вы меня пугаете...

Хочет дотронуться до его головы. Майор медленно, в мрачной задумчивости, снимает ремень и фуражку. Молча и все более ожесточенно прodelывает упражнения ритмической гимнастики. После всего ложится на спину, задирает ноги за голову и стоит некоторое время в такой позе.

Постепенно светает.

Ж и л е ц. Жених нечаянно на свадьбе,
В зеркальную вглядевшись чашку,
Увидел страшное лицо.

Ж и л и ц а. Тише!

За забором слышен звук размешиваемых костей домино, потом стук.

Майор встает, приводит в порядок форму.

С е с т р а. Как вы меня напугали...

М а й о р. Что такое?

С е с т р а. Мне... показалось, что вы... Я вдруг подумала, что я одна, совсем одна! Так страшно!

М а й о р. Что за глупости.

С е с т р а. Товарищ майор! Не оставляйте меня одну! Я не знаю, что делать. А вы... всегда знаете. Я вам покушать принесла.

М а й о р. Поставь куда-нибудь, я не хочу.

С е с т р а *(кричит)*. Я вас очень прошу!

М а й о р. Да что ты кричишь, в самом деле! Ну, давай...

Майор ест бутерброд. Сестра успокаивается.

С е с т р а. Товарищ майор... А можно мне...

М а й о р. Что?

Сестра прижимается к нему и кладет руки на плечи. Оба садятся.

С е с т р а. Вот так... хорошо...

Майор (*жуя*). Попался судмедэксперт... Что уж ты? Боишься – ищи другую профессию.

Сестра. Нет... Я с детства мечтала. Мне так жалко людей!.. Почему они все ненормальные?

Майор. Ну, уж ты тоже...

Сестра. Нет? Скажите, нет?

Майор. Ну, не знаю. Вас этому учат; ты же – вон – отличница!

Сестра. Да, отличница! Но в жизни так сложно... Так все перепутано! Симптомы, симптомы я вижу, а надо связать их в синдромы, понимаете. Я их связываю... а получается мешанина какая-то. Читаю «Клинический архив гениальности и одаренности» – там все ясно. Если эпилептик, то это эпилептик. Белая горячка – так белая горячка. А в жизни... Иллюзии – да. Галлюцинации. Слуховые обманы в форме акаозмов. Наплывы мыслей. Потом, этот ментизм...

Майор. Что?

Сестра. Ментизм. Ну, когда мышление поверхностно убыстряется... «Мета-лето-литая-листая-листок-исток-свисток-мосток-лоток-глоток...» И тут – заторможенность. Он делает одно и то же движение. Вставляет и вынимает ключ. Или сидит и раскачивается из стороны в сторону... Чувство неустойчивости. Сердцебиение. Ну, думаешь, аура. Предвестник судорожного припадка... А он хватает авторучку. Значит, уже частично ориентируется! Полного помрачения нет. Что? Абортивный припадок? И еще эта развороченная дверь...

Майор. Ах, черт!

Сестра. Ну, хорошо. Хватает авторучку. Если бы он бросился бежать или острым концом стал наносить ранения. Но нет! Он просто пишет какие-то дурашливые слова – и, умиротворенный, затихает. Что это? Ничего, ничего не сходится! Мне плакать хочется, я ничего не умею. Ведь если б вылечить основное заболевание – они избавились бы и от одаренности, этого побочного явления, за которое приходится платить! Я бы все отдала, все. Трудовая терапия... Шоковые методы. Лечебный гипноз! А лекарства для мозга какие сейчас есть хорошие! Аминалон, ноотропил, и этот... Пирацетам...

Майор. Платить... За что платить? Я понимаю, Лев Толстой. Граф. Было за что. А теперь?

Сестра. Как хорошо... Говорите еще, говорите! Как я вам завидую... Вы знаете, куда идти...

Майор. Да! Я знаю, куда идти! Обнаружен труп! Все! Идти надо от трупа к периферии. По спирали. Все жилые помещения обошли! Все подсобные обошли. Коридор, балкон, лестница, вход в дом. Далее – двор. Здесь уже по фронту. Потому что большая площадь. По фронту! Далее – свидетели. Главный принцип – внезапность! Почему сначала вниз? А потому. Знал сосед, что мы придем? Возможно, знал. И ждал. А она? Не знала и не ждала. Значит, надо идти сначала к ней. Теперь, если стонет пострадавший – бросай все, иди к пострадавшему.

1-й жилец. О-о-ой, ребята! Козлы.

2-й жилец. Что ж ты делал-то, друг ситный?

4-й жилец. Да я думал, у него четверошный!

2-й жилец. Как же у него, когда он двойку ставил под своего!

1-й жилец. Рубить надо было пустушкой.

3-й жилец. Правильно.

2-й жилец. Чего правильно? Он же на азах ехал, вот же у меня аз-два, и он заходчик!

4-й жилец. Так он же кончал!

2-й жилец. Как он кончал, когда у него две фишки на руках!

4-й жилец. Как две?

2-й жилец. Так!

М а й о р. Я знаю, куда идти. Но я веду дело без санкции. Потому что разрушаются улики. *(Встает от волнения.)* В суточный срок я сообщу прокурору. Но как быть, когда предметы сдвигаются с мест? Как действовать? Скажи. Я же должен хотя бы знать, куда они движутся и с какой скоростью. Чтобы хоть что-то предвидеть. Нет! Этот туда. Этот сюда. Завтра – наоборот. Я не вижу системы! Ладно. Черт с ними. По крайней мере, стул – это стул. Всегда. Свидетели! Вот ведь что. Скажи! Внутри-то у них должно быть что-то? Процессуальный кодекс! Пусть у каждого свой. Но чтоб можно было предвидеть! Что в данных обстоятельствах данный человек пойдет туда-то. Я уж не говорю, чтоб он шел по нашему кодексу. Ладно! Иди по своему. Но ведь нет его! Своего. Нету!

Выходит Супруг с ковром и хлопалкой.

М а й о р. Как жить, если свидетель... Сегодня ковер, завтра... Как жить? Как вести допрос? Пишут: индивидуальный подход. Да где она, индивидуальность? Кто ее видел? Вот он. Кто он? Мультфильм!.. А самое поразительное то, что у меня от этого факта есть трудности, а у него нет трудностей. Вот у него, действительно, нет никаких трудностей!

С у п р у г. Что с вами, душа моя? Откуда это? Не хандрите ли вы? Чего доброго. Хандра хуже холеры!

2 - й ж и л е ц. Пять дуплей.

3 - й ж и л е ц. Ну вот.

Звук размешиваемых костей домино.

М а й о р. Иногда хочется плюнуть на все – и уйти. Ведь я тут не нужен. Что я, когда им уже и Генеральный секретарь не нужен стал!

С у п р у г. Напраслину! Напраслину возводите. С глубокой... С глубочайшей благодарностью вспоминаем мы о свободе, смело дарованной нам... Когда всякие другие партии и правительства старались бы стеснить и оковать нас...

М а й о р. А эти? *(показывает на зал)*. Взяли, погасили свет... Встали, пошли кто куда. Ну... Ведь труп найден. Ну, разрешили вам. Ну, есть такое право – встать и уйти. Но ведь должна же быть и обязанность! Какая? Наблюдать! Может, кто-то заметит хоть что-нибудь... Вот хожу же я с лампой, как дурак. Что мне – не хочется иногда лампу бросить? Но вот не бросаю! Стараюсь разобраться сначала... И не могу. Не могу! Главное, такое чувство, что все это уже было. И что я уже приходил вот буквально на прошлой неделе и разбирался... Но если я опять пришел – значит, не разобрался прошлый раз. Значит, ничего не получилось? Дайте мне разобраться хоть теперь. Помогите мне. – Нет, погасили свет, пошли, кто куда... Ведь завтра опять найдут. Ведь если так, значит, что-то же не в порядке? Что-то же не в порядке у вас в доме? Правильно она говорит – зло берет. Нет, даже не зло, а жалко мне вас. Жалко! Охломонов...

С у п р у г. Вот это напрасно. Напрасно. Понимаю, что в раздражении, но...

М а й о р. Да я не вас конкретно имел в виду под охломоном...

С у п р у г. Ну как же. Я и есть охломон. Самый настоящий. Отец мой был охломон, и дед, и... Мы – охлос! А вот жалеть нас не надо. Не надо! Зачем жалеть? Нас уважать надо. Охломон! Это звучит гордо! Слава Богу, правительство это понимало во все времена и теперь более, чем когда-либо.

М а й о р. Да я о чем говорю? Почему они все уходят? *(показывает на зал)*.

С у п р у г. Миль фуа пардон! Надо ж покушать. Если б было, что кушать – я бы всю жизнь прожил в своей квартире. Припеваючи. Канализация у нас есть. Деток бы с женой нарожали... растворились бы в природе... Нам ведь то и любо. Знаете, что такое просветление?

М а й о р. Никому, никому ничего не надо...

Супруг. Да что вы все хандрите, душа моя? Я лично всегда уважал вас как человека, принимающего столь снисходительное участие... Нижайший и покорнейший слуга ваш... Ну, что? Что вас беспокоит?

Майор. Меня больше всего беспокоит, что это вас не беспокоит!

Супруг. Я, душа моя, живу в равновесии с природой. Что? Клизма? Вазелина нет?

Майор. Он же ваш сосед... Да ладно бы... Так ведь завтра же будете кричать: Солнце Поэзии! Не уберегли!..

Супруг. Кто? Что? Солнце? Сосед? Что с ним? Плохие обстоятельства?

Майор. Умер.

Супруг. Эки страсти. Вздор, душа моя! Не хандрите! Один умер, другой, умрем и мы когда-нибудь. Но жизнь-то богата! Вырастут детки! Славные, веселые; будут повесничать, сентиментальничать... А мы будем старые хрычи, женки наши – старые хрычовки... Вы женаты? Может, он не был женат? Я женат – и счастлив. Умер... Если не был женат, то и поделом! Единственное, что: не посоветовавшись. Надо было посоветоваться. Ведь с нами даже Сократ советовался. Что же мне, говорит, делать, любимые мои афиняне? А мы говорим: да ничего! Выпей и ходи, а потом ляг. И знаете, что? Его как рукой сняло.

Майор. Хорошо. Я с вами советуюсь.

Супруг. Весь внимание.

Майор. Тут три версии.

Супруг. Три.

Майор. Убийство, самоубийство, несчастный случай.

Супруг. Да.

Майор. Четыре: инсценировка.

Супруг. Четыре.

Майор. Если убийство... Не можете ли вы кого-нибудь заподозрить?

Супруг. Ну как же, душа моя, конечно, могу. А кто именно вам нужен?

Майор. Мне нужна правда.

Начинает звонить телефон.

Супруг (*подумав*). Правда сегодняшнего дня или вчерашнего? Или завтрашнего?

Майор. Вам нечего сообщить?

Супруг. Ну, что вы. Я обязательно сообщу. А откуда у вас информация, что он умер?

Майор. Я видел своими глазами.

Супруг. Один видел одно, другой другое...

Майор. Все видели одно. У него лоб расколот. И взломана дверь...

Супруг. Ну, что я могу вам предложить? (*подумав*). Наверное хулиганствующие молодчики...

Майор. Это мы проходили. Версия проработана и отброшена.

Супруг. Ах, отброшена! Вот оно что! Тогда... Знаете, какой феномен? Душа моя! Поэты ломаются к нам. Не знаю, зачем. Я без его стихов проживу. А он без меня не может. Вот ведь какая штука. И он ломится к нам. Так надоел, честное слово: я уж хотел в деревню удрать, да вот женка... И ведь при этом могут быть несчастные случаи! Вероятно, когда они лომились к нам через дверь, один из них пострадал в возникшей давке.

Майор. Нет соответствующих следов.

Супруг. Тогда... дверь сломалась, и его смертельно ранило осколком. Несчастный случай.

Майор. Нет соответствующего осколка.

Супруг. Ну, знаете... Душа моя! Удивляюсь вам. Нет следов. Нет осколка... Что же вы скажете народу?

М а й о р. Вот я и советуюсь с вами.

С у п р у г. Ну, знаете... Я не думал, что...

М а й о р. Удар нанесен кувалдой.

С у п р у г. А! Мы ввели кувалду по его просьбе? Он сам настойчиво требовал?

М а й о р. Что это вы несете?

С у п р у г. Душа моя... У меня даже температура поднялась. И давление. И влажность... Вот что: повышенная ранимость. Никто не знал, что у него повышенная ранимость. Кувалда была в двадцати сантиметрах от его лба. У обычных людей это не вызывает... А у него из-за повышенной ранимости возникла смертельная рана. Ведь на кувалде тоже не было следов?

М а й о р. Следов крови? Не было.

С у п р у г. Ну, вот. В общем, надо сказать так: мы все виноваты...

М а й о р. Это мы скажем в конце, в частном определении. А теперь мне нужен один человек. Убийца.

С у п р у г. Если один человек – это Сталин. Он палач, он и убил. Он во всем виноват.

М а й о р. Таким образом, вам нечего сказать?

С у п р у г. Что... Уже и... Уже... Эх, душа моя! Неужели вам не ясно, что вы зашли в опасный тупик?

М а й о р. Почему?

С у п р у г. Неужели вы не понимаете? Вас вводят в заблуждение? Вас используют силы, которые хотят разыграть поэтическую карту. Надо остановиться.

М а й о р. Прекратить дело?

С у п р у г. Пока не поздно.

М а й о р. Для прекращения дела нет оснований. Напротив: я все белее убеждаюсь...

С у п р у г. Эх, душа моя... Вы говорите, что вам меня жалко. Это мне вас жалко! В конце концов окажется, что вы и убили этого Поэта!

М а й о р. Раньше я найду настоящего убийцу.

С у п р у г. Да как вы не понимаете, что уже все? Что уже негде искать? Есть только один выход.

М а й о р. Уж не застрелиться ли?

С у п р у г. Напрасно вы иронизируете.

М а й о р. Я не застрелюсь и не дам закрыть дело, пока не будет на то веских оснований.

С у п р у г. Значит, надо создать эти основания! Надо вызвать на помощь Большую Беду!

М а й о р. Не понял.

С у п р у г. Придет Большая Беда! Мы оставим, забудем все дела! Забудем, кто за кого! Кто на какой стороне! Забудем поэтов! Обнимемся и сплотимся! Это единственный выход.

М а й о р. Ну и каша у вас в голове!

С у п р у г. Что? Да. Мне вас жаль. Другого выхода... Э! Расколот лоб, вы говорите?

М а й о р. Точно так.

С у п р у г. Тогда вам повезло. Тогда и думать нечего. Это космос.

М а й о р. Что?

С у п р у г. Космос. Главкосмос. Это они его убили. Это, знаете, душа моя... Отъявленные мерзавцы! Я бы их!.. Вот так!.. Вот так!.. М-мерзавцы. А следующей жертвой буду я. Помяните мое слово. Я уже чувствую: ничто в голову нейдет. Хуже и хуже, с каждой ракетой, душа моя. Как-то это все... Непонятно. Но-о, знаете, что я вам скачу? Наро-од, о-он теперь не тот... Люди прямо говорят: надо кончать с ними. Я думал, это будет хороший шаг.

М а й о р. Какой шаг?

Супруг. А прекратить все эти ракеты. Свести на нет. Ликвидировать. Это же сколько денег можно будет раздать! Космос – разве это наш путь? Разве это совместимо?

Майор (*волнуясь*). Это невозможно.

Супруг. Почему, душа моя? Мы уже советовались – с Николай Ивановичем, и Валентин Сергеевичем, и с Виктор Степановичем...

Майор. Послушайте. Нельзя. Оставьте космос. (*Встает на колени.*) Это же последнее светлое пятно!

Супруг. Что с вами? Душа моя? Привстаньте. Привстаньте, прошу вас.

Майор. Оставьте космос!

Супруг. Не могу.

Майор. Сколько вам надо денег?

Супруг. Ну, что вы. Зачем? Привстаньте. Уважайте себя и меня. Я вижу тут много эмоций. Вы же подумайте. Сначала невесомость, потом... Подумайте! Это же все неспроста. Знаете? Они хотят улететь от нас. Они думают, что где-то там... Будут вот эти вот межпланетные!.. А то, что здесь у нас нарушится равновесие – это...

Мария Владимировна. А я бы тоже с кем-нибудь улетела.

Супруг. Ну? Разве это по-нашему? (*Вешает ковер и оборачивается; в этот момент – оседание дома, перекладина падает вместе с ковром.*) Разве... Что это? Ну, знаете! Это... Женщина без головы – это еще куда ни шло, но женщина, состоящая исключительно из одной головы! Это, знаете ли... Не одобряю! Куда это ведет? Любезная! Что же вы делаете? Вам же деток рожать. Как вы можете? Знаете, кто вы после этого? Вы... Вы просто чудовище!

Павел Владимирович плюет в него.

Супруг. Извините... (*Павел плюет*). Извините... (*еще плюет*). Еще раз извините... Я никогда... Я всегда... Нижайше и покорнейше... Не больше... не меньше... И супруга моя... Кстати! Если вы будете столь снисходительны... Одолжить мне один или два рубля на шесть месяцев...

Сестра (*смотрит на головы*). Товарищ майор... Я с ума схожу...

Звонит телефон.

Жилец. Звонит телефон, но не стану к нему подходить,
Потому что обычно меня
В это время нет дома.

Стук домино становится громче. Оседание дома. Человек Обеспокоенный привстает.

Супруг. Ангел мой! Сейчас я вас познакомлю... Ангел мой! Тут господин Голова с супругой!

Стук домино переходит в стук топора. Скрип. Супруга приближается к окну; одновременно дом, трещина, начинает откровенно заваливаться в сторону зрителей. Супруг орет. Из-за забора выскакивает ошалелый Хулиган.

Человек Обеспокоенный (*встает*). Я же говорил, что упадет!

Супруг бросается в дверь, но выбегает обратно с поднятыми руками. Верещат будильники и телефоны. Жильцы выбегают из дома, кто в чем. Майор, спохватившись, начинает спешно фотографировать и измерять расстояния, направление и силу ветра.

Г о л о с и з д о м а . Дуй, ветер, дуй. Пока не лопнут щеки... Да будет так. Я буду их судить.

Куда? Держи! К оружию! Огня!
Подкуплен суд! Зачем, судья лукавый,
Ты дал ей улизнуть?

Жильцы выбегают. Выходит Барышня в купальнике, в темных очках, с номерком на руке.

Г о л о с и з д о м а .

Пусть небеса обрушат месть свою
Ей на голову. Пламя лихорадки,
Спали ее. Ты, гром!
В лепешку сплюсни выпуклость Вселенной
И в прах развей прообразы вещей
И семена людей неблагодарных...

М а й о р . По краю! По краю, граждане! Прошу сохранять дорожку следов!
Человек Обеспокоенный. Фу, черт... *(садится)*.

Падают горшок с цветами. Крики. Треск. Грохот. В дверях показывается Супруга. Орет, как недорезанная.

С у п р у г . Ангел мой... Помогите!

Сестра бросается на помощь, но Супруга, втянутая некой силой, проваливается в темноту.

М а й о р . Сестра!
Ж и л и ц а *(Жильцу)*. Это все понарошку, да?
С у п р у г а . А-а! Колбаса! Моя колбаса! Я-а-а-ай-ца-а-а! Конец! Всему коне-е-ец!

Часть жильцов бежит обратно. Пытаются просунуть в окно сейф. Выносят обломки белых статуй.

Г о л о с и з д о м а . Говори пароль. Душистый майоран. Проходи.
С у п р у г а *(появляется в дверях)*. А-а-а!.. Ма-айонез!.. Мой майоне-ез!.. *(сила утаскивает ее обратно)*.

Из дверей выходит Поэт с расколотым лбом.

Г о л о с С у п р у г и . Фундук!.. Фундук!.. Фейхоа-а!..
П о э т *(глядя на Барышню)*. Бездомные, нагие горемыки... *(его сбивают с ног)*.
Не делайте вреда мне. Будет выкуп.
Я попрошу врача. Я ранен в мозг.

Сестра. Что с тобой? Тебе плохо?

П о э т . Провал возьми вас всех!

Седлать коней! Собрать в дорогу свиту!

Сестра. Ты во что играешь? В Кибальчиша? В Гавроша?

Хулиган *(Поэту)*. Сергеич, ты чего вылез раньше времени?

Поэт (*тихо*). Пускай он сам там лежит! Еще упадет на башку декорация! (*громко*)
Тут темно. (*Майору*) Скажите, вы не Кент?

Хулиган. Нет, он мент...

Майор (*не слушая*). Ничего не понимаю. (*Вытаскивает из пролома череп, засовывает в полиэтиленовый мешок, измеряет расстояние между предметами, записывает в блокнот*).

Сестра (*Поэту*). Давай, как будто я тебя вылечу.

Поэт. Скажи, я нахожусь во Франции?

Сестра. Да, это баррикада в Париже.

Поэт. Прошу вас не обманывать меня.

Летят перья. Падают цветы. Все трещит.

Сестра. Вставайте! Лучше умереть стоя. (*Жильцам*) Помогите мне.

Жильцы (*запевают; мотив – что-то среднее между «Марсельезой» и «Слезами залит мир безбрежный»*).

Когда горбатые дельфины
Приостанавливают бег,
Выходит из морской пучины
Высокий голый человек.

Он на тебя глядит, нахмурясь,
Он изможден глубоким сном,
Он подает тебе папирус,
Свое заветное письмо.

Ты что-то говоришь с участием,
Когда письмо в твоих руках
Дрожит, расходится на части
И рассыпается во прах.

И нарастает ветер дальний,
Стареют небо и земля,
И волны бьются лбом о камни,
Чтоб зацепить, задеть тебя.

Сестра (*Барышне*). Помогите мне.

Барышня помогает Сестре поставить Поэта на ноги.

Поэт (*Барышне*). Твои глаза мне памятны. Что ты косишься на меня? Недобро и косо. Я знаю, у меня ладони-налимы и лицо абрикоса.

Барышня (*сняв очки, смотрит на Поэта – и шарахается от него*). Товарищ майор...

Майор (*выбегающему из дома жильцу*). Стой! А ну, статую сюда. Подопрем. Граждане! Давайте подопрем. Статуи сюда! Ничего, сейчас подопрем, все будет нормально!

Жильцы подпирают дом обломками статуй, среди которых встречаются бывшие атланты и кариатиды.

Поэт (*Барышне*). Теперь ты видишь, как идут дела?

М а й о р. Сестра! Я сейчас иду на место преступления. Кто-то пытается замести следы... Черт, пленка кончилась!

П о э т. Виновных нет, поверь, виновных нет:

Никто не совершает преступлений.

Купи себе стеклянные глаза

И делай вид, как негодяй политик,

Что видишь то, чего не видишь ты.

Снимите сапоги с меня. Тащите.

М а й о р. Помолчите, гражданин... А вы кто, собственно, такой?

С у п р у г. А! Так вот же он! А вы говорили – умер! Вот же он, Поэт, живой и невредимый. Надо прекращать это все. Женка, ангел мой!

М а й о р. Спокойно! Здесь я решаю.

С у п р у г. Ну, если и это для вас не является веским основанием... Душа моя! Душа моя! Я теперь все вспомнил. У него это так и было. Это, видимо, какой-то врожденный недуг. Об этом в газетах писали: что происходит где-то утечка мозгов. Видимо, вот через это отверстие она и происходит. Утечка мозгов в Израиль, а также в Соединенные Штаты. Надо прекращать дело. Мы уже дали этим явлениям соответствующую оценку.

М а й о р. Что вы мне вешаете лапшу на уши? Всем оставаться на местах! Это какая-то инсценировка.

Делает шаг по направлению к дому. В этот момент – статуи разваливаются, дом резко оседает и начинает погружаться.

Х у л и г а н. Это конец... Черепные коробки поехали.

Треск. Грохот. Майор бросается измерять расстояния и собирать предметы в полиэтиленовые мешки.

М а й о р (*отпиливая кусок вставшей торчмя декорации*). Черт... Самый тихий дом... Два самогоноварения...

С у п р у г (*в отчаянии*). Но ведь было же равновесие! Кто его нарушил? Кто пошел не туда?

В дверях появляется Супруга и, кряхтя, пытается пролезть.

С у п р у г. Женка, ангел мой, смотри: не брюхата ли ты? Береги себя в таком случае!

Супруга проваливается в темноту.

С у п р у г. Ангел мой!

Б а р ы ш н я. Мужчины, сделайте что-нибудь!

П о э т. Она ушла навеки.

Да что я, право, мертвой от живой

Не отличу? Она мертвее праха.

С е с т р а (*вздрыгнув*). Что же я! Матушка настоятельница послала меня вытирать пыль, а я... (*ищет тряпку*).

С у п р у г а (*появляется в дверях*). М-м-м-м-ы-а-а-а...

Х у л и г а н (*Поэту*). А ты говорил – навеки. Да ей просто надо сбросить века два. (*подняв с земли обломок стрелы, показывает Супруге*). Ну?

Б а р ы ш н я (*взяв стрелу у Хулигана, вставляет в сердце забора; забор при этом сжимается, как меха гармони*). Вспомни детство!

Пауза.

Ж и л е ц. Лежит у обомшелого забора,
Оторванная варварски от куклы,
Пластмассовая детская рука.

Ж и л и ц а. Тише!

З а б о р (*шепчет*).

Красная кирпичная стена
Резко выделяется на белом
На снегу, а на стене видна
Исповедь, написанная мелом:
«Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ» – и этот след
Не смогли стереть ни снег, ни ветер.
А внизу приписанный ответ:
«НУ И ЧТО?» – уже едва заметен.

Хулиган. Ну!

Долгая пауза.

Забор растягивается; громко звучит гармонь.

З а б о р (*поет на мотив «Раскинулось море широко»*).

В одной современной квартире
Ковер, каких много, живет –
когда-то супруги купили –
а то был ковер-самолет.

(ковер шевелится)

Небесного дивного цвета,
он целую тысячу лет
летал, как орлы и поэты,
над морем житейских сует.

И вот облака проплывают,
и стаи летят журавлей,
и только его не пускают
семь накрепко вбитых гвоздей.

Гудят за окном самолеты, –
но с ними ему не летать...
И внутренний голос: – Ну что ты!.. –
ковру начинает шептать.

Тут что-то ковер вспоминает
и силится ветер поймать.
Он бьется и вдруг понимает,
что он разучился летать.

Жильцы радостно хлопают.

Супруга кряхтит.

Хулиган. Я давно уехал из вашего дома – почему я все помню, а вы не помните? Ну, вспомни! Корми меня рогаликом... Пои меня нарзаном... Ну же! Пои меня! Корми меня! В моем тяжелом имени... Ну! Ну давай!

Супруга. Что... в имени... тебе моем...

Хулиган. Давай, ну... милая... давай...

Супруга. Что в вы... в в-выме... вы-yme... А-а-а-а-а!.. Вы-ымя-а-а-а-а!.. Вымя в холодильнике-е-е-е-е!.. *(застряв в дверях, не может двинуться ни туда, ни сюда)* Вы-ы-мя-а-а-а-а-а!.. *(наконец, лопнув, вываливается за порог и идет с волочащимся сзади унитазом и трубами к Поэту, истошно причитая, как плачя-вопленница и постепенно утоньшаясь).*

Ты скажи, мое дитяtko удатное,
Кого ты сполохался-спужался,
Что во темную могилушку собрался?
Старичища ли с бородою,
Аль гуменной бабы с метлою,
Старухи ли разварухи?
Суковатой ли во играх рюхи?
Знать, того ты сробел до смерти,
Что ноне годочки пошли слезовы,
Красные девушки пошли обманны,
Холосты ребята все бесстыжи...

Поэт. Отдаем тебе

Всю эту жизнь от той черты до этой,
С лесною тенью, полноводьем рек,
Полями и лугами. Ей отныне
Владей навек с супругом и детьми.

Из оболочки Супруги вылезает стройная девушка. Жильцы в восторге: кричат, хлопают в ладоши, бьют в барабан.

Супруг *(Поэту)*. Душа моя! *(растроганно)* Дай руку поцелую я тебе.

Поэт. Вытру сначала. У нее трупный запах.

Супруг ходит по сцене, размахивая руками от полноты чувств, и вдруг запекает на мотив «Нет, не тебя так пылко я люблю».

Супруг.

Нет, никогда скалистый этот гул
Мне не внушал покоя или страха!
Но холодом наполнилась рубаха,
Как я на небо черное взглянул.

Не ужас ли сады охолодил,
Все придавив своей пернатой тенью?
Молниеносный воздух вдохновенья
Меня опять, как в детстве, просквозил.

Волнения божественная мгла
Почти уже на грани прорицанья.
Как всяческого страха отрицанье,
И белья
И белья небесных тела!

*Жильцы кричат и хлопают в восторге.
Сестра, не найдя тряпки, рвет одежду.*

М а й о р. Сестра!

С е с т р а (*поет на мотив «Калина красная»*).

Стерильно-белая
спущусь по лестнице.
Кто в Бога верует,
должно быть, крестится.

На темя – обухом,
по сердцу – холодом:
«А ты попробуй-ка
сходить к онкологу...»

И сразу – падалью,
надеждой – скальпельной,
больничным садом и
вороньим карканьем...

Как будто воздуха
струя защемлена
в груди. Смерть? Просто как!
Жизнь? Есть вообще она?

(*переходит на речитатив*)

Жизнь? В дверь, на улицу!
И – Боже их спаси –
такси. Целуются.
Целуются в такси!
Есть.

Раздаются неуверенные хлопки.

П о э т (*подходит к Сестре и обнимает ее*). Что-то ты не то спела, сестренка.

М а й о р. Гражданин!

П о э т. Ни слова, мент! (*показывает на стрелу в заборе*).

Ты видишь, лук натянут. Прочь с дороги!

М а й о р.

Стреляй, не бойся прострелить мне грудь.
Мент будет груб, покамест Лир безумен.
А ты как думал, взбалмошный старик?
Что рядом с лестью смолкнет откровенность?
Нет, честность более еще нужна,
Когда монарх впадает в безрассудство.
Убей врача, а плату за лечение
отдай болезни!

П о э т (*отшатнувшись от Сестры*). Ты шутишь жизнью, мент!

М а й о р.

Своею жизнью
Играл не раз я на войне с врагом

И снова для тебя играю ею.
(опускается перед Сестрой на колени и обнимает ее)
О лоно женское! –
Как тяга велика
Вновь оказаться в первой колыбели!
Но рост велик – мы вырасти успели,
И счастье – только части мужика.
Он троелик, девический избранник:
И сын, и муж, и навсегда изгнанник.
(встает)

...И лучшая из ветреных девиц,
Не убоясь признаний и участия,
О наконец, вошла среди зарниц
В мой юный бред, в мой сад из небылиц, –
Я потянул за тонкие запястья.
Слепила тьма, и кровь моя, шумя,
Рвалась наверх, пружинила, летела...
И ангел был, и небом было тело
Прилегшей, не отринувшей меня.
Забыл, что ночь, что хмурятся и ждут,
И рук ее благословлял ловушку...
Но нежности протяжный парашют
Нас опускал на хвойную опушку.
И встали мы под сводный шум вершин.
– Куда бежать? Куда мне с этим деться?
И прах мечты чуть ветер ворошил,
И обжигал восторг перволадельца.
Так вел ее, смиряя торжество
И наших душ улавливая сходство...
Еще мое уснувшее сиротство
Не превратилось в долгое вдовство.

Жильцы хлопают в восторге. Поэт подходит к Сестре.

Поэт. Даем тебе с потомством эту жизнь
В прекрасном нашем королевстве.
Хулиган (поет под Утесова).

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты – и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленились со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной...

(Запевает под Утесова)

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, – хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?
Твоей обывательской лужи.

Жильцы *(качаясь, подпевают)* У Черного моря...

Хулиган.

Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно все это!..
Тебе ж недоступно все это.

Жильцы. У Черного моря...

Хулиган.

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта – всемирный запой,
И мало ему конституций!
И мало ему конституций.

Жильцы. У Черного моря...

Хулиган.

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, –
Я верю: то Бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!
То вьюга меня целовала.

Жильцы. У Черного моря... *(аплодируют сами себе).*

Поэт. Что-то не то... Я пить хочу.

Барышня.

Странное чувство перетерпеть
Дано мне шутя ли, в игру,
Что будто вот-вот я должна умереть,
Но что-то никак не умру.

(Пробует напеть)

Кажется странным знакомых взгляд.
Во взгляде вижу вопрос.
Но рада, что мне еще кто-то рад,
И снег меня не занес.

Жильцы *(качаясь, пробуют подпеть)*. У Черного моря...

Барышня.

А что-то в домашних застенках ждет,
Чему ни встать, ни вспорхнуть.

Я лавок, ларьков обхожу черед,
Свою проверяя суть...
Через порог так шаги легки,
(Так человек живуч)
Но в щели крыльца вдруг впились каблуки,
В замке перегнулся ключ.

Жильцы. У Черного моря...

Поэт (*садится*). Теперь стучись в ту дверь, откуда выпустил ты разум (*бьет себя по голове*).

Хулиган. Нет, в самом деле что-то не так! Мы про кого-то забыли!

Голос Поэта. Сестра! Сестра...

Хулиган (*оглядываясь*). Но про кого?

В зале встает Человек Обеспокоенный и машет руками. Видя, что его не замечают – свистит.

Человек Обеспокоенный. Сюда, товарищи, сюда! Вы забыли про чучела! Я уже два часа тут сижу, смотрю, чтоб не утащили! Мне от этого, честно говоря, немного не по себе!

Хулиган. Да! Головы-то надо привернуть!

Человек Обеспокоенный. И дом поднять! Я, конечно, понимаю, театр и все такое – но ведь поэты – они же как напророчат, так и будет! Чего доброго. Дома начнут падать, тут, понимаешь, головы!..

Сестра. Я... Я сейчас... Я приверну... Я попробую...

Павел Владимирович. Не подходи!

Мария Владимировна. Мы не хотим!

Сестра. Как?

Мария. Здесь так хорошо! Такое разнообразие! Такая... трудная судьба!

Павел. Не в том дело! Мы не под законом! Дела плоти известны: вражда, ссоры, зависть, пьянство, бесчинство и тому подобное. Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона. Я давно замечал: доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. В членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! – думаю. – Кто избавит меня от сего тела смерти? И вот на тебе – здесь, на окне, сеется тело душевное, восстает тело духовное. Я себя чувствую, как церковь Покрова-на-Нерли! Мария. И я расцветаю, как из зерна. Полейте меня!

Супруг. У нас, душа моя, воды нет. Я вчера грим одеколоном смывал.

Павел (*вдруг запекает на мотив «Что так жадно глядишь на дорогу»*).

Ты торжественно, неосторожно

Широко раскрываешь окно,

А на улице сыро, тревожно,

Неуютно и просто темно.

Словно листья огромных растений

В ясном свете окна твоего

Оживают неясные тени

Неизвестно кого и чего.

И хотя ничего не случилось,

Все же будь осторожна, а то –

Здесь свирепствуют старость и сырость

И тебя здесь не любит никто.

Сквозь туманы и глюки разлуки
Взгляд твой тихий тревожно ловлю,
Я люблю твои тонкие руки
И тяжелые груди люблю.

Может быть, ты об этом не знаешь?
Разумеется, знаешь давно...
Что ж ты так широко раскрываешь
В неуютную полночь окно...

Бурный восторг.

М а й о р. Граждане! Посмотрите на дом – он стоит совсем перпендикулярно!
Ж и л ь ц ы. Ура-а! Да здравствует любовь! (*разбрасывают листовки с каракулями*
Поэта).

С у п р у г (*Майору*). Ну что, душа моя? Следствие окончено?
М а й о р. Да, да! Конечно! Я многого не понимал...

Вспышка молнии. Удар грома. Шум дождя.

П о э т. Наконец-то!

Жильцы пляшут, поют частушки.

Ж и л е ц.

От натуги цепenea,
тянем цепи Гименея.

Ж и л и ц а.

Помогите нации
выйти из стагнации!

Ж и л е ц.

Там, где были колоннады,
разыгрались клоунады.

Ж и л и ц а.

Дали много мы зерна,
да вот отдача мизерна!

Ж и л е ц.

Вот живем мы, жизнь ругая –
только есть ли где другая?

Ж и л и ц а.

А на погосте жители
да сплошь все положительны!

Ж и л и ц а (*Хулигану*).

Сразу видно дипломата –
Говорит почти без мата.

Ж и л е ц.

И у етих, и у тех –
Много тайных есть утех!

Ж и л и ц а.

Заявляет кум куме:

Ж и л е ц.

– Да в уме ли ты?!

Ж и л и ц а.

– В уме!

Ж и л е ц.

Поругались, подрались –
вот и весь и плюрализм.

Ж и л и ц а (*Жильцу*).

Хоть ободран ты, как одр –
только б дух остался бодр!

Ж и л е ц.

Помогите нации
Выйти из стагнации!

1 - й ж и л е ц. Предавались идеалам!

2 - й ж и л е ц. Да под теплым одеялом.

1 - й ж и л е ц. Выдавали по звезде!

2 - й ж и л е ц. Но не всем.

3 - й ж и л е ц. И не везде.

Ж и л е ц.

Нагадала «да» ромашка,
да, увы, опять промашка:
в телогрейке, в кирзачах
вкус к эстетике зачах!

Ж и л ь ц ы.

Как показывает опыт –
время терпит, но торопит.
Поменьше лейте вы воды,
нам интересны выводы!

Поэт, стоявший все это время зажмурившись, с поднятым кверху лицом, удивленно открывает глаза, рассматривает ладони. Дождя нет, только шум.

Мария Владимировна поет – весело, кокетливо, в духе шлягеров 60-70-х. Жильцы танцуют и подпевают.

М а р и я.

Ливнем прорвавшись, дождь
Напомнил, как день был труден,
Что ты навсегда уйдешь
Из этих промокших буден –
И больше тебя не будет.

Ж и л ь ц ы. Пара-рам-пам.

М а р и я.

Зайдут на вечерний свет
«Он дома?» – какие-то люди,
А я им отвечу: «Нет!
И никогда не будет!»

Ж и л ь ц ы. Никогда.

М а р и я.

И станет канатом нить,
(Рубить – так с плеча) и даже
Не Жизнь будет, чтобы жить,
А так! лишь купля-продажа.

Жильцы. Пара-рам-пам.

Мария.

Печатей вечных базар.
И память – торговым грузом,
И знать наперед все дар
Вверен мне лишь в обузу.

Жильцы. Дар в обузу. Дар в обузу. Дар в обузу. Дар в обузу

Мария.

Стану бояться слов
Недолговечных, кратких,
И-и-и-и неровных шагов
На лестничной площадке.

Жильцы. Пара-рам-пам!

Мария (*подмигивая*).

Есть ли такой судья,
Кто воровство осудит,
Когда душа моя
Себя у тебя забудет
И больше ее не будет?

Жильцы. Никогда. Никогда. Никогда. Никогда...

Звуки дождя переходят в быстрый стук сердца.

Поэт. Меня задушит этот приступ боли!

Тоска моя, не мучь меня, отхлынь!

Не подступай с такою силой к сердцу!

Из-за забора доносится:

Лишь бы были кости –
Мясо нарастет.
Гривенник подбросьте –
Рубль упадет.

Дружные шаги жильцов.

А орел ли, решка –
Дело разве в том.
Лишь бы только пешка
Сделалась ферзем.

Распахивается калитка. Четыре жильца несут на плечах розовый гроб и поют.

Мы не волки – агнцы,
Истинны слова.
Вегетарианцы –
Все нам трын-трава.

На земле мы гости –
Ну, да все равно.
Лишь бы были кости
Домино.
Лишь бы были кости

До-ми-но.

1 - й ж и л е ц. Для кого гроб?
Поэт. Для меня.

Жильцы дают ему в руки гроб.

М а й о р. Поэт! Опомнись! (*хочет отнять у него гроб*).
Поэт. Не надо вынимать меня из гроба...

Общее замешательство.

Ф и з и к (*сверху*). Коллега! Вы просили пить?

Поэт. Что это, солнце? – Я обманут всеми...

М а й о р. Сестра! Воды!

Поэт. Не смейтесь надо мной...

Мы плакали, пришедши в этот мир,

На это представление с шутами...

(*снимает с Майора фуражку*)

Какая шляпа славная! – Вот мысль!

Ста коням в войлок замотать копыта

И – на зятьев! Врасплох! И резать, бить

Без сожаленья! Бить без сожаленья!

(*нахлобучивает фуражку Майору на глаза*)

Стреляй, Купидон, с завязанными глазами.

Выходят все действующие лица.

С е с т р а (*Поэту*). Я омочу вам губы. Вы просили пить?

Поэт. Дай, я потрогаю. Да, это слезы.

Не плачь! Дай яду мне. Я отравлюсь.

Я знаю, ты меня не любишь. Сестра

Твоя меня терзала без вины,

А у тебя для нелюбви есть повод.

С е с т р а. Нет, нет его!

Поэт. Скажи, я нахожусь во Франции?

С е с т р а. Ну почему? Почему обязательно во Франции?

Хулиган. Сергеич... Брось придуряться.

Поэт. Но так же не бывает. Люди не обнимаются. И дома не падают. И... Я же понимаю, что это бред! Самый элементарный бред!

М а й о р. Нет, это инсценировка!

Хулиган. Это Родина!

Человек Обеспокоенный. Я тоже протестую! (*встает*). Что значит бред!
Разве я – бред? Я не бред!

Поэт (*задрал голову, кричит*). Физик! Я живой? И на родине? Скажи, что это не бред!
Скажи!

П а в е л В л а д и м и р о в и ч. Дома падают, потому что проходит образ мира сего. И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего.

Поэт. Что ж ты молчишь! Анахорет! Скажи хоть что-нибудь!

П а в е л В л а д и м и р о в и ч. Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся.
Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?

Поэт. Физик!

Пауза. Эфирные шумы.

Голос Поэта. Все мучение, и ревность, и тяжесть в том, что мне, может быть, суждено только находить, а потом я, как рыбак, не умею ничего сделать с тем, что нашел, и могу потерять в том самом мире, где она мне засияла, и море станет опять пустым и темным, и я останусь таким же нищим, как был. Главное, что в этом (чего я боюсь всегда) есть доля призвания; доля правды, значит, доля моего назначения; потому что искусство там, где ущерб, потеря, страдание, холод. Эта мысль стережет всегда и мучает всегда, кроме коротких минут, когда я умею в Вас погрузиться и забыть все...

Шум эфира, тиканье часов.

Голос Поэта.

Изобретатель был
Знакомым моих знакомых.
Я был не в настроении,
Сказал, что зашел просто так.
 Он вытащил из-под шкафа
Что-то ж свое, самодельное,
И ручку повернул –
И стало хорошо.
Я оживился – надо же,
Какая чудесная механика.
Изобретатель скромничал,
Это, мол, так, пустяки.
И была беседа
О странностях нашей жизни.
И было хорошо,
И тикал механизм.
Настала пора уходить.
Я спросил, а нельзя ли
Мне самому
Выключить эту штуку?
Он разрешил. И я
Горжусь, что вот этой рукой
Я прикасался – сам –
К чудесной машине будущего.

*Внезапно прекращаются все звуки.
Поэт стоит одной ногой в гробу.*

конец 2-й части

Эпилог

*Все стоят неподвижно. Сверху падают белые хлопья.
Под тихие звуки музыки («Вы жертвою пали...») вверх начинают всплывать
обломки белых статуй.
Ходит белая лошадь, волоча «укротителя коней», и тычется ко всем мордой.*

Г о л о с п о э т а.

Выпадают снега, и дома холодеют снаружи,
Это явственный знак, что что-то случится еще.
Из подъезда выходит изможденная белая лошадь
И костлявую морду кладет на мое на плечо.

До свиданья, друзья. Наше время – сварливое время.
Время скажет – иди, и я подчиняюсь, иду.
Мимо сел, городов, мимо материков, континентов
Я белую клячу поведу за собой в поводу.

Я умею насвистывать и напевать со словами,
И не есть, и не спать, появляться всегда и везде.
Никогда не заплачем, никогда никого не помянем,
Мы оставим следы – на снегу, на песке, на воде.

К нам привыкнут и будут смотреть насквозь, как в окошко,
Нас не будут любить, как утренний привкус во рту.
Но когда мы исчезнем, это будет настолько заметно,
Что новые люди поведут лошадей в поводу.

В с е п о ю т (сначала – похоронный марш; постепенно сбиваясь на «Варяг»).

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
В любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли за него,
За жизнь его, честь и свободу.

И лист, отрываясь, встает на ребро –
Крутиться ему до упада,
А кто-то глядит, улыбаясь хитро,
Сквозь ломкую логику сада.

Он знает, куда паутина летит,
И видит, в какие провалы
Спускается лист, где терпенье скрипит
И красные дышат мангалы.

Он смотрит туда, где за дальней чертой
Гуртом собираются тучи,
И воздух, в цветное стекло налитой,
Становится злее и круче.

Прощайте, товарищи! С Богом, ура!
Кипящее море под нами.
Не думали мы еще с вами вчера,
Что нынче умрем под волнами.

Но пал произвол и восстал весь народ
Великий, могучий, свободный...
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный.

конец

Использованные первоисточники:

Письма: Александра Блока
Любови Менделеевой
Александра Пушкина
Надежды Холоповой
Зап. книжка Блока
Реплики Сергея Есенина
Стихи: Александра Блока
Алексея Добрынина
Вадима Забабашкина
Николая Клюева («Плач по Есенину»)
Светланы Корневой
Ивана Макарова
Владимира Пражина
Владимира Пучкова
Александра Пушкина
Павла Сергеева
Анжеллы Сорокиной
Андрея Филинова
Леонида Шваба
В. Шекспира в пер. Б. Пастернака
Послания св. Апостола Павла:
Гал. 5, 19-23
I Кор.1, 20
I Кор.7, 31
I Кор.15, 44
I Кор.15, 51
Рим. 7, 19;7, 23-24
Рим. 12, 2

Кроме того, в парафрении использованы отдельные реплики Горького и Маяковского, нерифмованные тексты Пушкина, Блока, Сенеки, сведения из учебников: «Судебная психиатрия» Морозова, «Криминалистика» Пантелеева, «Спокойное Солнце» Гибсона и отрывки из песен российского пролетариата.